

РАЙЧЕЛ
МИД

КРОВЬ – ЭТО СИЛА

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

КРОВЬ – ЭТО СЕМЬЯ

ОХОТНИКИ
и ЖЕРТВЫ

Вселенная Академии вампиров

Райчел Мид

Охотники и жертвы

«ЭКСМО»

2007

Мид Р.

Охотники и жертвы / Р. Мид — «Эксмо», 2007 — (Вселенная Академии вампиров)

ISBN 978-5-699-69791-5

Ни для кого не тайна, что вампиры существуют на самом деле, живут рядом с нами и пользуются порой своими необычными навыками. Но мало кому известно, что в Америке, в самом сердце Монтаны, имеется настоящая Академия, где вампиры обучаются высокому искусству магии. И не знает почти никто, что в мире идут кровавые вампирские войны и расе мороев противостоит жестокое племя стригоев – вампиров, переступивших черту закона и не гнушающихся убийством. Даже стены Академии, святая святых науки, не слишком надежная защита от происков темных сил. Юная моройская принцесса Лисса и Роза, ее подруга и верный страж, однажды убеждаются в этом, оказавшись в эпицентре грозных событий.

ISBN 978-5-699-69791-5

© Мид Р., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Один	6
Два	11
Три	18
Четыре	26
Пять	34
Шесть	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Райчел Мид

Охотники и жертвы

© Жужунава Б.М., наследники, перевод на русский язык, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Джеки и Кейтлин, девочкам из моих городских фантазий

Один

Я почувствовала страх еще до того, как услышала крики.

Ее ночной кошмар пульсировал внутри, вытряхивал меня из сна, в котором присутствовали побережье и сексапильный парень, втирающий мне в кожу масло для загара. Сознание заполнили ее образы – не мои: огонь и кровь, запах дыма, искореженный металл автомобиля. Страшные картинки обволакивали меня, душили, и так продолжалось до тех пор, пока некая рациональная часть сознания не напомнила, что это чужой сон.

Я проснулась; пряди длинных темных волос прилипли ко лбу.

Лисса металась и кричала во сне. Я выбралась из постели и быстро преодолела несколько разделяющих нас футов.

– Лисс! – Я потрясла ее. – Лисс, проснись!

Крики смолкли, сменившись тихим хныканьем.

– Андрей... – простонала она. – О господи!

Я помогла ей сесть.

– Лисс, ты не там. Очнись.

Спустя несколько мгновений ее веки затрепетали и поднялись; даже в тусклом свете было видно, что сознание в ней начинает брать верх над тем, что держало ее во сне. Бурное, прерывистое дыхание успокаивалось, и она склонила голову мне на плечо. Я обняла ее, провела рукой по волосам.

– Все в порядке, – мягко приговаривала я. – Успокойся, все хорошо.

– Мне снова приснился тот же сон.

– Да. Понимаю.

Так, в полном молчании, мы просидели несколько минут. Почувствовав, что она успокоилась, я потянулась к ночному столику и включила лампу. Она давала мало света, но, в общем, большего и не требовалось. Привлеченный светом, соседский кот Оскар вспрыгнул на подоконник раскрытого окна.

Он избегал меня – по какой-то причине животные не любят дампиров, – но прыгнул на постель и, негромко мурлыча, потерся головой о Лиссу. С мороями у животных не возникает проблем, и к Лиссе они были в особенности равнодушны. Улыбаясь, уже практически успокоившись, она почесала его под подбородком.

– Когда было последнее «кормление»? – спросила я, вглядываясь в ее лицо.

Кожа бледнее обычного, темные круги под глазами и общее впечатление слабости. На этой неделе занятий в школе было много, и я не могла вспомнить, когда в последний раз давала ей кровь.

– Кажется... больше двух дней назад? Три? Почему ты молчала?

Она пожала плечами, избегая моего взгляда.

– Ты была занята. Я не хотела...

– Глупости! – Я уселась поудобнее.

Неудивительно, что она выглядела такой слабой. Оскар, избегающий соседства со мной, прыгнул на пол, а потом снова на подоконник, откуда мог наблюдать за нами с безопасного расстояния.

– Давай! Нечего тянуть.

– Роза...

– Давай! Тебе станет лучше.

Я наклонила голову и откинула волосы, обнажив шею. Лисса все еще колебалась, но вид моей шеи оказывал слишком мощное воздействие. По ее лицу скользнуло голодное выражение, губы слегка раздвинулись, и стали видны клыки, которые она скрывала, оказываясь среди

людей. Эти клыки странно контрастировали с ее обликом. Хорошенькое личико и светлые волосы делали ее больше похожей на ангела, чем на вампира.

Она потянулась к моей обнаженной коже, и мое сердце заколотилось от страха и предвкушения. Позже мне всегда становилось тошно из-за того, что я испытывала эти чувства, но избавиться от них было выше моих сил – слабость, с которой ничего не поделаешь.

Клыки вонзились в тело, и краткая вспышка боли заставила меня вскрикнуть. Потом боль исчезла, сменившись удивительным, золотистым ощущением радости, растекшимся по всему телу. Это лучше, чем выпивка или травка, лучше, чем секс, – по крайней мере, так мне казалось, поскольку я, увы, не знала ни того ни другого. Покров чистейшего, рафинированного удовольствия окутал меня, даруя обещание, что все на свете будет хорошо. Химические вещества в ее слюне инициировали выброс эндорфинов, и я потеряла всякое представление об окружающем мире и даже о том, кто я такая.

Вскоре, к сожалению, все кончилось. Это заняло не больше минуты.

Откинувшись и вытирая рукой губы, она разглядывала меня.

– Ты в порядке?

– Я... Да. – Голова кружилась от потери крови, и я откинулась на постель. – Просто нужно немного поспать. А так со мной все прекрасно.

Взгляд ее бледно-зеленых, «нефритовых» глаз был с тревогой прикован ко мне. Она встала:

– Принесу тебе поесть.

Я запротестовала, но вяло, и она вышла, прежде чем непослушными губами я сумела что-то пролепетать. Кайф от укуса уменьшился, как только она разорвала контакт, но кое-что еще оставалось в моих венах, и я почувствовала, как губы расплываются в глупой улыбке. Повернув голову, я посмотрела на Оскара, по-прежнему сидящего на подоконнике.

– Ты понятия не имеешь, чего лишен, – сказала я ему.

Его внимание привлекало что-то снаружи. Он припал к подоконнику – черная шерсть встала дыбом, хвост подергивается. Моя улыбка увяла, и я заставила себя сесть. Меня одолел приступ головокружения, и я ждала, пока он прекратится, прежде чем попытаться встать. Но едва поднялась на ноги, дурнота вернулась и на этот раз не желала уходить. Тем не менее у меня хватило сил дотащиться до подоконника и вместе с Оскаром выглянуть наружу. Он настороженно посмотрел на меня, слегка отодвинулся и снова вернулся к тому, что привлекло его внимание.

Теплый ветерок – необычно теплый для портлендской осени – играл моими волосами, когда я высунулась наружу. На улице было темно и относительно спокойно. Три часа утра – единственное время, когда кампус колледжа успокаивался, по крайней мере отчасти. Дом, в котором вот уже восемь месяцев мы снимали комнату, располагался на улице со старыми, разномастными домами. Через дорогу мигал уличный фонарь, чувствовалось, что он вот-вот перегорит. Однако пока он давал достаточно света, чтобы я могла разглядеть силуэты автомобилей и зданий, а в нашем дворе – деревья, кусты... и наблюдающего за мной человека.

Я удивленно отшатнулась. Он стоял на расстоянии около тридцати футов, под деревом, откуда легко заглядывать в наше окно. Достаточно близко, чтобы я могла швырнуть в него чем-нибудь. И уж совершенно точно, достаточно близко, чтобы видеть, чем мы с Лиссой только что занимались.

Он так сильно утопал в тени, что даже своим обостренным зрением я не могла разглядеть его толком, за исключением роста. Высокий. По-настоящему высокий. Едва различимый, он стоял там всего мгновение, а потом отступил и исчез в тени деревьев в дальнем конце двора. Я была уверена, что заметила там еще кого-то. Потом они встретились, и тьма поглотила обоих.

Кем бы они ни были, Оскару они не нравились. Не считая меня, он обычно ладил с большинством людей, начиная тревожиться лишь в том случае, если от кого-то исходила опасность.

Тип снаружи никак не угрожал Оскару, но кот что-то почувствовал – что-то, заставившее его насторожиться.

Холодный страх пронзил меня, почти – но не целиком – погасив изумительный кайф от укуса Лиссы. Отойдя от окна, я нашла на полу джинсы, натянула их, чуть не свалившись при этом, схватила наши с Лиссой куртки и бумажники. Сунула ноги в первые попавшиеся туфли и устремилась к двери.

Она была внизу, в тесной кухоньке, рылась в холодильнике. За столом сидел один из наших соседей, Джереми, приложив ко лбу руку и с тоской глядя в учебник математики. Лисса удивленно посмотрела на меня.

– Что ты здесь делаешь?

– Нужно уходить. Немедленно.

Она широко распахнула глаза, но спустя мгновение в них мелькнуло понимание.

– Ты... Это точно? Уверена?

Я кивнула. Не знаю почему, но я была уверена. Никаких сомнений.

Джереми с любопытством наблюдал за нами.

– Что случилось?

У меня мелькнула идея:

– Лисс, возьми у него ключи от машины.

Он переводил взгляд с меня на нее и обратно:

– Что вы...

Лисса без малейших колебаний направилась к нему. Благодаря нашей психической связи я чувствовала ее страх и безграничную веру в то, что я позабочусь обо всем и мы будем в безопасности. Как обычно, я от всей души надеялась, что стою ее доверия. Она широко улыбнулась и посмотрела прямо ему в глаза. Мгновение Джереми просто глядел в ответ, все еще в недоумении, но потом стало ясно – он полностью подчинен. Глаза остекленели, он взирал на Лиссу, как на божество.

– Нам нужно на время взять твою машину, – мягко сказала она. – Где ключи?

Он улыбнулся, а я содрогнулась. Я обладала высокой сопротивляемостью к принуждению, однако в какой-то степени ощущала его воздействие, когда оно было направлено на других. Ну и вдобавок всю жизнь меня учили, что использовать его нехорошо. Джереми достал из кармана ключи на длинной красной цепочке и вручил Лиссе.

– Спасибо, – сказала она. – Где припаркована машина?

– Дальше по улице. На углу рядом с «Брауном».

В четырех кварталах отсюда.

– Спасибо, – повторила Лисса. – Как только мы уедем, ты вернешься к своим занятиям и забудешь, что видел нас сегодня ночью.

Он услужливо закивал. Складывалось впечатление, что он шагнул бы с обрыва, попроси она его. Все люди восприимчивы к принуждению, однако Джереми, похоже, особенно. Повезло – учитывая момент.

– Пошли, – сказала я Лиссе. – Нужно поторопиться.

Мы вышли наружу и направились к тому углу, о котором он говорил. У меня после укуса все еще кружилась голова, я то и дело спотыкалась и не могла идти так быстро, как хотела. Несколько раз едва не упала и устояла на ногах лишь благодаря помощи Лиссы. Тревога передавалась мне. Я изо всех сил старалась игнорировать ее, у меня и своих страхов хватало.

– Роза... что мы будем делать, если нас схватят? – прошептала она.

– Не схватят. Я не допущу этого.

– Но раз они нашли...

– Они и раньше находили нас. Но не схватили. Сейчас мы поедem на вокзал, а оттуда в Л.-А.¹ Они потеряют наш след.

Я постаралась создать впечатление, будто проблем никаких нет. Я всегда так делала, хотя что уж тут простого – убежать от людей, которых знаешь чуть ли не с рождения? Мы на протяжении двух лет прятались от них где могли и просто пытались окончить среднюю школу. Выпускной год только-только начался, и, казалось, в кампусе колледжа безопасно. Мы были так близки к свободе!

Больше она ничего не сказала, и я почувствовала, как в ней снова проснулась вера в меня. Так было всегда. Я воплощала в себе действующее начало, хотя временами совершала безрассудные поступки. Она была благоразумнее и, прежде чем начать действовать, старалась осмыслить происходящее, выбрать наилучший вариант. Обе линии поведения имели свои преимущества, однако в данный момент требовалось безрассудство – времени на обдумывание не было.

Мы с Лиссой стали лучшими подругами еще в детском саду, когда воспитательница посадила нас вместе на уроках письма. Заставлять пятилетних детей выводить «Василиса Драгомир» и «Розмари Хэзевей» – это было за гранью жестокости, и мы – или, точнее, я – реагировали соответственно. Я бросила в воспитательницу книгой и обозвала ее фашисткой. Я понятия не имела, что это слово означает, но умения попадать в движущуюся цель мне уже тогда было не занимать.

С тех пор мы с Лиссой неразлучны.

– Слышишь? – неожиданно спросила она.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы уловить то, что более обостренное восприятие Лиссы уже отметило. Шаги, быстрые шаги. Я состроила гримасу. Нам оставалось пройти два квартала.

– Придется бежать, – сказала я и для поддержки взяла ее за руку.

– Ты не сможешь...

– Бежим!

Понадобилась вся сила воли, чтобы не потерять сознание прямо на дороге. Тело отказывалось слушаться, то ли из-за потери крови, то ли из-за остаточного воздействия на метаболизм вампирской слюны. Но я запретила мышцам брюзжать, вцепилась в Лиссу, и мы рванули. Обычно я без малейших усилий перегоняла ее – в особенности если, вот как сейчас, она была босиком, – но этой ночью только благодаря ей не упала.

Преследующие нас шаги зазвучали громче, ближе. Перед моими глазами плясали черные звезды. Впереди уже показалась зеленая «хонда» Джереми. О господи, только бы добраться до нее...

В десяти шагах от автомобиля прямо перед нами возник человек. Мы резко остановились, и я за руку дернула Лиссу назад. Это был он, тот тип, которого я заметила, когда он наблюдал за мной. Старше нас, может, лет двадцати пяти, и действительно такой высокий, как мне показалось, – скорее всего, шесть-шесть² или шесть-семь. В других обстоятельствах – не тогда, когда он препятствовал нашему отчаянному бегству, – я бы сочла его сексапильным. Темные волосы до плеч, связанные сзади в короткий «конский хвост». Карие глаза. Длинное коричневое пальто – пыльник, так это, по-моему, называется.

Однако сексапильный он там или нет, сейчас это к делу не относилось. Сейчас он всего лишь препятствие, отделяющее нас с Лиссой от машины и свободы. Шаги сзади замедлились,

¹ Л.-А. – Лос-Анджелес. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Шесть-шесть – имеется в виду шесть футов шесть дюймов, то есть где-то под два метра; аналогично расшифровывается и шесть-семь.

преследователи догнали нас. Господи! Чтобы вернуть нас, послали почти дюжину стражей. Я просто глазам своим не верила. Сама королева не путешествует с таким эскортом.

Охваченная паникой, я действовала инстинктивно. Отпихнула Лиссу себе за спину, защищая от того, кто, по-видимому, был у них лидером.

– Оставь ее в покое! – прорычала я. – Не прикасайся к ней!

Понять что-либо по его выражению лица не представлялось возможным, но он вскинул руки, по-видимому стараясь успокоить меня, словно я какое-то бешеное животное.

– Я и не собираюсь...

Он сделал шаг вперед... и оказался слишком близко.

Я напала на него в том атакующем стиле, к которому не прибегала уже два года, с тех пор как мы с Лиссой сбежали. Это было глупо – еще одна инстинктивная реакция, порожденная страхом. И бесполезно. Он оказался опытным стражем, не каким-нибудь новичком, кое-как прошедшим обучение. И он, в отличие от меня, не испытывал слабости на грани обморока. И боже, он был быстр. Я и забыла, насколько быстры стражи, как они могут двигаться и наносить удар, точно кобры. Он отмахнулся от меня словно от мухи, заставив отлететь назад. Не думаю, что в его планы входило нанести мне настолько сильный удар – скорее всего, он просто хотел не подпустить меня к себе, – но в данный момент с координацией у меня прослеживались явные проблемы. Не в силах удержаться на ногах, я начала падать на тротуар. Это могло закончиться плохо. Очень плохо. Но не закончилось.

Так же быстро, как он блокировал мое нападение, человек схватил меня за руку и не дал упасть. Заняв устойчивую позицию, я заметила, что он разглядывает меня – или, точнее, мою шею. Все еще дезориентированная, я не сразу врубилась, в чем дело. Потом медленно подняла свободную руку и коснулась оставленной Лиссой ранки. На пальцах блестела темная кровь. В замешательстве я тряхнула волосами, чтобы они упали по сторонам лица; густые и длинные, они полностью прикрыли шею. Именно по этой причине я их и отращивала.

Темные глаза парня на мгновение задержались на том месте, где под волосами скрывался укус, а потом встретились с моими. Я ответила ему вызывающим взглядом и выдернула руку. Он отпустил меня, хотя, не сомневаюсь, мог бы удерживать хоть всю ночь, если бы пожелал. Сражаясь с тошнотой и головокружением, я снова отступила к Лиссе, готовясь к новой атаке. Внезапно она сжала мою руку и негромко обратилась ко мне:

– Роза, не надо.

Поначалу ее слова не подействовали на меня, но постепенно сознание начало успокаиваться – под воздействием нашей с ней связи. Это не было принуждением в прямом смысле слова – она не стала бы прибегать к нему, имея дело со мной, – но свой эффект оказало, как и осознание того факта, что нас безнадежно превосходят числом и умением. Даже я поняла, что бороться бессмысленно. Напряжение оставило меня, тело обмякло.

Почувствовав, что я смирилась, человек сделал шаг вперед и переключил внимание на Лиссу. Отвесил ей поклон и сумел сделать это даже с некоторым изяществом при его-то росте. Это удивило меня.

– Меня зовут Дмитрий Беликов, – сказал он с еле заметным русским акцентом. – Я здесь, чтобы доставить вас обратно в Академию Святого Владимира, принцесса.

Два

Несмотря на всю мою ненависть, должна признать – Дмитрий Бели-как-его-там оказался очень сообразителен. После того как нас отвезли в аэропорт и посадили на частный самолет Академии, ему хватило одного взгляда на то, как мы перешептываемся, чтобы приказать разделить нас.

– Не позволяй им разговаривать друг с другом, – предостерег он стража, который вел меня к самолету. – Пять минут вместе, и они разработают план бегства.

Я бросила на него надменный взгляд – несмотря на тот факт, что мы действительно планировали сбежать.

Обстоятельства явно складывались не в нашу пользу. Когда мы оказались в воздухе, шансы сбежать сократились практически до нуля. Даже если предположить, что произойдет чудо и я сумею избавиться от всех десяти стражей, оставалось неясным, как покинуть самолет. На борту наверняка имелись парашюты, но, даже сумей я управиться с ними, маленькая проблема выживания не поддавалась разрешению, поскольку мы, скорее всего, приземлились бы где-то в Скалистых горах.

Нет, если мы и сможем покинуть самолет, то лишь когда он сядет в лесной глуши Монтаны. Но и тогда будет над чем поразмыслить – к примеру, как пройти мимо магической охраны Академии и вдесятеро большего числа стражей. Подумаешь! Никаких проблем.

Хотя Лисса сидела впереди с этим русским парнем, ее страх накатывал на меня, пульсировал в мозгу. Беспокойство за нее смешивалось с собственной яростью. Они не могут вернуть ее туда, нет, только не в Академию. Интересно, заколебался бы Дмитрий, если бы чувствовал то, что я, и знал то, что я? Скорее всего, нет. Это не его заботы.

Как бы то ни было, эмоции Лиссы были настолько сильны, что в какой-то момент возникло странное ощущение, будто я сижу в ее кресле... даже в ее теле. Такое случалось иногда – без всякого предупреждения она втаскивала меня в свою голову. Фигура Дмитрия возвышалась рядом со мной, и моя рука – ее рука – сжимала бутылку с водой. Он наклонился вперед, чтобы взять что-то, и стали видны шесть крошечных, вытатуированных на задней стороне его шеи символов: знаки молнии. Они выглядели, как две зазубренные, перекрещивающиеся молнии, образующие букву Х. По одной за каждого убитого им стригоя. Над ними тянулась извилистая линия, похожая на змею, – обозначение стража. Многообещающий знак.

Я с усилием выскользнула из сознания Лиссы и вернулась в свою голову. Терпеть не могу, когда это происходит. Чувствовать эмоции Лиссы – это одно, но оказываться внутри ее было нечто, презируемое нами обеими. Она воспринимала это как вторжение в свою душу, поэтому обычно я не рассказывала ей, когда такое происходило. Однако ни мне, ни ей это не подчинялось. Просто еще один результат нашей связи – связи, суть которой ни одна из нас не понимала полностью. Существуют легенды о психической связи между стражами и их мороями, но там ни о чем таком не упоминалось. Мы справлялись с этим как могли.

Ближе к концу полета Дмитрий отправился туда, где сидела я, и поменялся местами с моим стражем. Я демонстративно отвернулась, рассеянно глядя в иллюминатор.

Некоторое время длилось молчание. В конце концов он заговорил:

– Ты что, в самом деле собиралась напасть на всех нас?

Я не отвечала.

– Этот поступок... то, как ты ее защищала... очень храбро с твоей стороны. – Он помолчал. – Глупо, но храбро. Почему ты так поступила?

Я отвела волосы от лица, чтобы иметь возможность посмотреть прямо ему в глаза.

– Потому что я ее страж.

И снова отвернулась к окну.

Молча посидев еще некоторое время, он встал и вернулся на прежнее место.

Когда мы приземлились, стражи не оставили нам выбора: пришлось ехать с ними в Академию. Автомобиль остановился у ворот, и водитель заговорил с караульными. Те удостоверились, что мы не стригои, собирающиеся устроить тут смертоносный кутеж. Спустя минуту нам позволили подъехать к зданию самой Академии. Солнце садилось – это было начало вампирского дня – и кампус окутывали тени.

На первый взгляд Академия не изменилась – все такая же, в готическом стиле. Морои – большие приверженцы традиций, не склонные к переменам. Эта школа не так стара, как другие в Европе, но построена в том же духе. Здания отличала сложная архитектура, почти в церковном стиле – с высокими шпилями и каменной резьбой. Пожив в кампусе обычного колледжа, я могла сказать, что Академия больше напоминает университет, чем среднюю школу.

Мы находились во втором кампусе, с разделением на младшие и старшие классы. Каждое отделение имело большой четырехугольный внутренний двор с каменными дорожками и огромными столетними деревьями. Нас повели во двор старших классов. На одной его стороне располагались учебные здания, а на противоположной – жилой корпус для дампиров и гимнастический зал. С двух других сторон двор замыкали жилой корпус мороев и, напротив него, административное здание, служившее также начальной школой. Жили младшие ученики в главном кампусе, дальше к западу.

Вокруг кампусов сохранялось свободное пространство... свободное пространство без конца и края. В конце концов, мы находились в Монтане, на расстоянии многих миль от городов. Воздух казался прохладным и пах соснами, влагой, гниющими листьями. По периметру Академию окружали густые, заросшие леса, а днем в отдалении можно было разглядеть горы.

Когда мы входили в основное здание старших классов, я вырвалась от своего стража и подбежала к Дмитрию.

– Эй, товарищ!

Он продолжал идти, не глядя на меня.

– Хочешь поговорить?

– Вы ведете нас к Кировой?

– К директрисе Кировой, – поправил он меня.

Лисса, идущая рядом с ним, бросила на меня взгляд, говорящий: «Не затевай ничего».

– Директриса. Ну конечно. Все та же самодовольная старая су...

Я не договорила, стражи ввели нас внутрь – и прямо в столовую. Я вздохнула. Они что, и впрямь так жестоки? Добраться до офиса Кировой можно дюжиной способов, но нет, они повели нас через столовую. И как раз время завтрака.

Новички-стражи – дампиры вроде меня – и морои сидели вместе, ели и общались, с энтузиазмом обсуждая очередную сплетню, в данный момент владевшую вниманием Академии. Когда мы вошли, громкий гул голосов мгновенно смолк – словно кто-то повернул выключатель. Сотни глаз обратились на нас.

Я с ленивой усмешкой смотрела на своих бывших одноклассников, пытаясь почувствовать, изменилось тут что-либо или нет. Ничего. Все, казалось, осталось как было. Камилла Конта по-прежнему выглядела такой же чопорной, безукоризненно ухоженной сукой, как мне помнилось. Она сама себя назначила лидером королевской моройской академической клики. Наталья, застенчивая родственница Лиссы, сидела в стороне, глядя на нас широко распахнутыми глазами, такая же невинная и наивная, как прежде.

А на другом конце комнаты... ну, это уже интересно. Аарон. Бедный, бедный Аарон, чье сердце, без сомнения, было разбито, когда Лисса исчезла. Он выглядел таким же привлекательным, как прежде, – может, сейчас даже краше – с теми же светлыми глазами, которые так хорошо дополняли ее зеленые глаза. Он не отрывал взгляда от Лиссы. Да. Грустно на самом

деле, поскольку она никогда не была по-настоящему увлечена им. Думаю, она встречалась с ним просто потому, что такое поведение вроде бы от нее ожидалось.

Однако самым интересным мне показалось то, что Аарон, по-видимому, неплохо проводил время и без нее. Рядом с ним, держа его за руку, сидела морейская девочка, на вид лет одиннадцати, но на самом деле наверняка старше, если только за время нашего отсутствия он не стал педофилом. С пухлыми щечками и светлыми кудряшками, она напоминала фарфоровую куколку. Пышущую злобой фарфоровую куколку. Стискивая его руку, она сверлила Лиссу взглядом, полным такой жгучей ненависти, что я была потрясена. В чем тут дело, черт побери? Я понятия не имела, кто она такая. Просто ревнивая подружка, скорее всего. Я и сама разозлилась бы, если бы мой парень смотрел на кого-то такими глазами.

Наконец наша тропа позора закончилась, однако следующее место назначения – офис директрисы Кировой – было ничуть не лучше. Старая ведьма выглядела в точности так, как мне помнилось, – с острым носом и седыми лохмами. Высокая и худая, как большинство мороев, она всегда напоминала мне грифа. Я хорошо знала ее, потому что провела в ее офисе немало времени.

Когда нас с Лиссой усадили, большинство стражей вышли, и я в меньшей степени почувствовала себя пленницей. Остались лишь Альберта, капитан стражей школы, и Дмитрий. Они заняли позиции у стены, с видом стоическим и вселяющим ужас – в точности как требовала их должностная инструкция.

Кирова вперила в нас сердитый взгляд и открыла рот, без сомнения собираясь разразиться очередной нотацией главной суки. Но не сказала ни слова – ее остановил низкий, мягкий голос:

– Василиса.

Я испуганно вздрогнула, осознав, что в комнате находился кто-то еще, кого я не заметила. Очень беспечно со стороны стража, пусть даже новичка. С величайшим усилием с кресла в углу поднялся Виктор Дашков. Принц Виктор Дашков. Лисса вскочила, бросилась к нему, обхватила руками хилое тело.

– Дядя... – прошептала она, крепко обнимая его.

Казалось, она вот-вот расплачется.

Еле заметно улыбаясь, он мягко похлопал ее по спине.

– Ты не представляешь, как я рад, что ты в безопасности, Василиса. – Он посмотрел на меня. – И ты тоже, Роза.

Я кивнула в ответ, пытаюсь скрыть свое потрясение. Он был болен еще тогда, когда мы сбежали, но это... это выглядело ужасно. Он был отцом Натальи, всего около сорока, но казался вдвое старше. Бледный. Иссохший. Руки трясутся. Сердце разрывалось смотреть на него. В мире столько ужасных людей, и это казалось страшно несправедливым – что именно он заполучил болезнь, которая угрожала убить его в расцвете сил и помешала стать королем.

Хотя формально Виктор не приходился ей дядей – морои очень вольно обращаются с терминами родственных связей, – он был близким другом семьи Лиссы и всячески старался помочь ей после гибели родителей. Мне он нравился – первый человек, которого я была рада здесь видеть.

Кирова дала ему еще несколько мгновений, а потом непреклонно вернула Лиссу на ее место.

Итак, настало время лекции.

Эта оказалась неплохой – одной из лучших, что о многом говорит, поскольку Кирова была в этом деле мастером. Клянусь, лишь по этой причине она пошла в школьную администрацию, поскольку я не заметила ни единого доказательства того, что она любит детей. Напыщенные тирады затрагивали обычные темы: пренебрежение обязанностями, безответственное поведение, эгоцентризм... ля-ля-ля. Я мгновенно отключилась и принялась обдумывать вари-

анты бегства через окно ее офиса. Ну, спустя какое-то время пришлось очнуться – когда тирада оказалась обращена непосредственно ко мне.

– Вы, мисс Хэзевей, нарушили наше самое торжественное обещание: обещание стража защищать мороя. Это величайшее доверие. Доверие, которое вы попрали, из эгоизма увезя принцессу отсюда. Стригой спят и видят, как бы покончить с Драгомирами, и вы едва не предоставили им такую возможность.

– Роза не похищала меня, – заговорила Лисса, опередив меня. Лицо и голос ее были спокойны, несмотря на владевшее ею чувство тревоги. – Я сама хотела уйти. Не вините ее.

Госпожа Кирова цыкнула на нас обеих, сцепила руки за худой спиной и принялась расхаживать по офису.

– Мисс Драгомир, насколько я вас знаю, вы вполне могли задумать весь план, но тем не менее ее обязанность – обеспечить, чтобы вы не могли осуществить его. Долг ее состоит в том, чтобы вовремя сообщить кому следует. Если бы она выполнила свой долг, вы оставались бы в безопасности.

– Я выполнила свой долг! – взорвалась я и вскочила. Дмитрий и Альберта вздрогнули, но не останавливали меня, поскольку я не предпринимала попыток ударить кого-нибудь. Пока. – Я обеспечивала ее безопасность! Я обеспечивала ее безопасность, когда никто из вас, – я сделала широкий жест по комнате, – не мог сделать этого. Я увезла ее, чтобы защитить. Сделала то, что должна была сделать. В отличие от вас.

Благодаря нашей связи я чувствовала, как Лисса пытается меня успокоить, побуждая не позволять гневу взять власть надо мной. Слишком поздно.

Кирова сердито смотрела на меня, явно в недоумении.

– Мисс Хэзевей, простите, но я не вижу логики в том, почему увезти ее из надежно охраняемого, магически защищенного места означает защитить ее. Может, вы чего-то недоговариваете?

Я прикусила губу.

– Понятно. Ну, тогда... По моему мнению, единственной причиной вашего бегства – если не считать тяги к новизне – было стремление уклониться от последствий того ужасного, деструктивного фокуса, который вы выкинули перед своим исчезновением.

– Нет, это не...

– И это лишь облегчает мне принятие решения. Как морой, принцесса должна оставаться здесь, в Академии, ради собственной безопасности, однако перед вами у нас таких обязательств нет. Вы будете исключены и высланы отсюда. Как можно быстрее.

Вся моя дерзость мгновенно испарилась.

– Я... что?

Рядом со мной встала Лисса.

– Вы не можете так поступить! Она мой страж.

– Нет, она не ваш страж. В особенности поскольку она вообще не страж. Она еще новичок.

– Но мои родители...

– Я знаю, чего хотели ваши родители, Бог да упокоит их души. Но сейчас обстоятельства изменились. Для мисс Хэзевей все кончено. Она не заслуживает того, чтобы быть стражем, и поэтому уедет.

Я смотрела на Кирову, не веря своим ушам.

– И куда вы собираетесь отослать меня? К матери в Непал? Разве она хотя бы заметила, что я исчезла? Или, может, вы отошлете меня к отцу?

Это последнее слово ударило ее, заставив сощуриться. Когда я снова заговорила, мой голос звучал так холодно, что я сама едва узнала его.

– Или, может, вы собираетесь вышвырнуть меня отсюда, чтобы я стала «кровавой шлюхой»? Только попробуйте, и к концу этого дня нас обеих тут не будет.

– Мисс Хэзевей, – прошипела она, – вы переходите границу.

– Они связаны.

Низкий, с заметным акцентом голос Дмитрия разрушил накопившееся в воздухе напряжение, и мы все повернулись к нему. Думаю, Кирова забыла о его присутствии, но я нет. Слишком мощным было это присутствие, чтобы не замечать его. Он все еще стоял у стены и в этом своем нелепом длинном плаще сильно смахивал на ковбоя. Он смотрел на меня, не на Лиссу, его темные глаза буквально пронзали меня насквозь.

– Роза знает, что чувствует Василиса. Ведь так?

Захваченная врасплох Кирова – хоть какое-то удовлетворение видеть это – переводила взгляд с нас на Дмитрия.

– Нет... Это невозможно. Такого не случалось на протяжении столетий.

– Это очевидно, – сказал он. – Начав наблюдать за ними, я сразу же заподозрил это.

Ни Лисса, ни я не отвечали, я избегала его взгляда.

– Это дар, – пробормотал из своего угла Виктор. – Редкий, удивительный дар.

– Лучшие стражи всегда имели такого рода связь, – добавил Дмитрий. – Согласно историческим хроникам.

Кирова снова разъярилась.

– Эти хроники описывают то, что происходило столетия назад, – взорвалась она. – Не думаете же вы, что мы оставим ее в Академии после всего, что она натворила?

Дмитрий пожал плечами.

– Может, она необузданная и грубоватая, но ее потенциал...

– Необузданная и грубоватая? – прервала его я. – А вы кто, в таком случае, черт побери? Помощник, привлеченный со стороны?

– Страж Беликов теперь страж принцессы, – отрезала Кирова. – Ее утвержденный страж.

– Какой-то дешевый иностранец будет защищать Лиссу?

Это было жалкое высказывание – в особенности поскольку большинство мороев и их стражи имели русское или румынское происхождение, – но в тот момент оно казалось умнее, чем было на самом деле. И если уж на то пошло, не мне так говорить. Может, я и выросла в США, но мои родители были иностранцами. Мать, тоже дампир, родом из Шотландии – рыже-волосая, с нелепым акцентом, – а отец, как мне сообщили, турок. Эта генетическая комбинация придала моей коже оттенок миндаля, а чертам лица сходство – так мне, по крайней мере, казалось – с экзотической принцессой пустынь: большие черные глаза и волосы темного коричневого цвета, казавшиеся почти черными. Я была бы не против унаследовать рыжие волосы, но мы имеем то, что имеем.

Кирова возмущенно вскинула руки и вперила в Дмитрия взгляд.

– Видите? Совершенно недисциплинированная особа! Никакие психические связи, никакой самый редкий потенциал в мире не могут компенсировать этого. Недисциплинированный страж хуже, чем никакого стража.

– Так научите ее дисциплинированности. Занятия только начались. Пусть учится и тренируется вместе со всеми.

– Невозможно. Она безнадежно отстала от своих сверстников.

– Ничего не отстала, – возразила я, но никто меня не слушал.

– Пусть тренируется дополнительно, – сказал Дмитрий.

Они продолжали в том же духе, их беседа выглядела как игра в пинг-понг. Моя гордость все еще была оскорблена тем, с какой легкостью Дмитрий выследил нас, но одновременно до меня дошло, что он в состоянии помочь мне остаться здесь, с Лиссой. Лучше быть в этой дыре, чем где угодно без Лиссы.

– И кто же возьмется тренировать ее дополнительно? – спросила Кирова. – Вы? Дмитрий, видимо, не ожидал такого поворота.

– Ну, не обязательно я...

Кирова с удовлетворенным видом скрестила на груди руки.

– Так я и думала.

Оказавшись в затруднительном положении, он нахмурился, перебегая взглядом с меня на Лиссу и обратно. Интересно, кого он видел? Двух жалких девушек, смотрящих на него большими умоляющими глазами? Или двух беглянок, умудрившихся вырваться из хорошо охраняемой школы и промотавших половину наследства Лиссы?

– Да, – заявил он в конце концов. – Я готов стать наставником Розы. Буду дополнительно тренировать ее.

– И что теперь? – резко возразила Кирова. – Она так и останется безнаказанной?

– Найдите другой способ наказать ее, – ответил Дмитрий. – Численность стражей слишком быстро уменьшается, чтобы потерять еще одного. В особенности девушку.

То, что стояло за этими словами, заставило меня содрогнуться, напомнив о моих собственных недавних словах о «кровавой шлюхе». Теперь немногие девушки-дампиров становятся стражами.

Внезапно из своего угла заговорил Виктор:

– Я склонен присоединиться к мнению стража Беликова. Отослать Розу – это позор, трата дара.

Госпожа Кирова перевела взгляд на окно. Снаружи черным-черно. Учитывая ночной режим Академии, утро и день были тут понятиями относительными. Ну и еще здесь тониrowали окна, чтобы преградить доступ свету.

Когда она снова повернулась, Лисса поймала ее взгляд.

– Пожалуйста, госпожа Кирова. Пусть Роза останется.

«Ох, Лисса! – подумала я. – Будь осторожна».

Использовать принуждение применительно к другому морю очень опасно – в особенности при свидетелях. Однако Лисса прибегла к нему совсем чуть-чуть, и нам просто необходима была любая доступная помощь. По счастью, никто, похоже, не понял, что произошло.

Я даже не уверена, что именно принуждение сыграло свою роль, но в конце концов Кирова вздохнула.

– Если мисс Хэзевей остается, то на следующих условиях. – Она повернулась ко мне. – Можете продолжить обучение в Академии Святого Владимира, но исключительно на условиях испытательного срока. Перешагнете черту еще раз, и вас здесь не будет. Вы получите все требующееся для новичка вашего возраста обучение. Кроме того, все свое свободное время вы будете тренироваться под руководством стража Беликова – и до и после занятий. Любые другие общественные контакты вам запрещены, и, за исключением времени приема пищи, вы будете оставаться в своей комнате. Нарушите хоть что-либо из вышеперечисленного – и будете... отосланы.

Я издала хриплый смешок.

– Запрещены общественные контакты? Вы хотите разделить нас? – Я кивнула на Лиссу. – Боитесь, что мы снова убежим?

– Просто принимаю меры предосторожности. Вы, без сомнения, помните, что так и не были должным образом наказаны за уничтожение школьного имущества. Придется немало потрудиться, чтобы компенсировать ущерб. – Она поджала тонкие губы. – Вам сделано великодушное предложение. Полагаю, с вашей стороны было бы неразумно ставить его под угрозу.

Я открыла рот, чтобы сказать – ничего великодушного тут нет вообще, но потом поймала взгляд Дмитрия. Не знаю точно, что этот темный взгляд выражал. Может, он хотел сказать, что верит в меня, а может, что только идиотка будет продолжать бессмысленную борьбу с Кировой.

Отвернувшись от него во второй раз за эту встречу, я уставилась в пол, ощущая присутствие Лиссы рядом и ее поддержку, вливающуюся в меня благодаря нашей связи. Наконец я энергично выдохнула и снова посмотрела на директрису.

– Хорошо. Я принимаю ваше предложение.

Три

Отослать нас после этой встречи прямо в класс казалось пределом жестокости, но именно так Кирова и поступила. Лиссу увели, и я провожала ее взглядом, радуясь тому, что наша связь позволит мне быть в курсе того, как она настроена.

Сначала меня отправили к одному из консультантов. Это был очень старый морой, я знала его еще до побега. По правде говоря, просто не верилось, что он по-прежнему здесь. Старик, он должен был уже или уйти в отставку, или умереть.

Этот визит занят всего пять минут. Ни словом не упомянув о моем возвращении, он задал несколько вопросов касательно занятий, которые я посещала в Чикаго и Портленде. Сравнил полученные ответы с записями в моем старом личном деле и торопливо нацарапал новое расписание. Я с угрюмым видом взяла у него бумажку и отправилась на свои первые занятия.

1-й урок: Современные боевые технические приемы стража.

2-й урок: Теория личной охраны и защиты 3.

3-й урок: Физические упражнения.

4-й урок: Основной язык (новички).

Ланч.

5-й урок: Поведение и физиология животных.

6-й урок: Математика.

7-й урок: Моройская культура 4.

8-й урок: Славянское искусство.

Ух! Я и забыла, какой длинный в Академии учебный день. В течение первой его половины новички и морои занимались отдельно, и, значит, я увижу Лиссу только после ланча – если потом у нас окажутся общие уроки. В основном это были стандартные для старших классов дисциплины, значит, мои шансы преуспеть в них очень даже неплохи. Славянское искусство, видимо, что-то вроде факультатива, на который никто не хочет записываться. Есть надежда, что по этой причине они сунут туда и Лиссу.

На первый урок в гимнастическом зале для стражей меня отвели Дмитрий и Альберта, при этом оба как бы не замечали меня. Идя позади них, я разглядывала коротко, на эльфийский манер остриженные волосы Альберты, оставляющие открытыми знак принадлежности к стражам и молнии. Многие женщины-стражи так делали. Сейчас это для меня было неактуально, поскольку никаких татуировок на шее пока не имелось, но не хотелось бы когда-нибудь стричь волосы так коротко.

Альберта и Дмитрий не разговаривали, шагали себе и шагали, как будто это был самый обычный день. Однако, когда мы пришли, реакция моих одноклассников расставила все акценты. У них как раз проходила разминка, когда мы вошли в гимнастический зал, и, в точности как в столовой, все взгляды обратились на меня. Не знаю, кем я себя почувствовала – рок-звездой или цирковым уродцем.

Ладно. Если мне придется застрять тут на какое-то время, я должна показывать, что не боюсь их. Когда-то мы с Лиссой пользовались в школе уважением, и пора напомнить об этом. Скользя взглядом по лицам уставившихся на меня с раскрытыми ртами новичков, я выискивала знакомое лицо. В основном здесь были парни. Один попался мне на глаза, и я едва сдержала усмешку.

– Эй, Мейсон, вытри слюни! Если хочешь представлять меня обнаженной, занимайся этим в свое время.

Кто-то фыркнул, кто-то захихикал, разрушив тягостное молчание, а Мейсон Эшфорд вышел из ошолобления и одарил меня кривой улыбкой. С торчащими рыжими волосами и

редкими веснушками, он выглядел симпатичным парнем, хотя и не слишком сексапильным. Один из самых забавных парней, которых я знала. В прежние времена мы были хорошими друзьями.

– Это и есть мое время, Хэзевей. Сегодняшнее занятие веду я.

– Правда? Ха! Ну, значит, сейчас самое время представлять меня обнаженной.

– Всегда самое время представлять тебя обнаженной, – вставил кто-то, еще больше разрядив напряжение.

Эдди Кастиль. Еще один друг.

Дмитрий покачал головой и вышел, бормоча по-русски что-то явно неодобрительное. Что касается меня... ну, я снова стала одним из новичков. Это были спокойные ребята, гораздо менее озабоченные родословной и политикой, чем ученики-морoi.

Класс обступил меня, я смеялась и всматривалась в почти забытые лица. Все интересовались, где мы были, – по-видимому, я и Лисса стали легендой. Конечно, я не могла рассказать, почему мы сбежали, и ограничилась насмешками и намеками типа «вам бы не понравилось это узнать», что сбавляло ничуть не хуже.

Счастливое воссоединение продолжалось еще несколько минут, после чего надзирающий за тренировкой взрослый страж прервал его, выбрав Мейсона за то, что тот пренебрегает своими обязанностями. Все еще ухмыляясь, Мейсон принялся раздавать приказы, объясняя, с каких упражнений начинать. Я с тревогой поняла, что большинство из них мне незнакомы.

– Пошли, Хэзевей. – Он взял меня за руку. – Будешь моим партнером. Давай посмотрим, что ты делала все это время.

Час спустя он получил ответ.

– Совсем не практиковалась, ха?

– Ох! – застонала я, не в силах даже говорить нормально.

Он протянул руку и помог подняться с мата, куда только что свалил меня... раз так пятьдесят.

– Ненавижу тебя.

Я потеряла то место на бедре, где завтра, без сомнения, проступит страшный синяк.

– Если бы я сдерживал себя, ты ненавидела бы меня еще больше.

– Это правда, – согласилась я, пошатываясь.

Ученики в это время клали на место оборудование.

– На самом деле ты все делала здорово.

– Что? На самом деле я отбила себе всю задницу.

– Ну конечно это так. Но ведь прошло два года, и, эй, ты все еще держишься на ногах.

Это чего-нибудь да стоит.

Он насмешливо улыбнулся.

– Я уже говорила, что ненавижу тебя?

Он одарил меня еще одной улыбкой, но она быстро увяла, сменившись серьезным выражением лица.

– Не пойми меня неправильно... В смысле, ты, конечно, девушка боевая, но выдержать весенние испытания ни при каком раскладе не сможешь...

– У меня будут дополнительные тренировки, – сказала я.

Впрочем, какое это имело значение? Я рассчитывала, что мы с Лиссой уберемся отсюда до того, как эти занятия станут для меня реальной проблемой.

– Я сумею подготовиться.

– Дополнительные тренировки с кем?

– С этим высоким парнем. С Дмитрием.

Мейсон уставился на меня.

– Ты будешь дополнительно заниматься с Беликовым?

– Да, ну и что?

– А то, что этот человек – бог.

– Может, это немного чересчур? – спросила я.

– Нет, я серьезно. В смысле, обычно он такой спокойный и даже замкнутый, но в схватках... Класс! Если ты думаешь, что натерпелась сейчас, то после занятий с ним будешь просто покойницей.

Прекрасно. Все лучше и лучше.

Я ткнула его локтем и пошла на второй урок. Здесь рассматривались основные положения того, что значит быть телохранителем, – дисциплина, обязательная для всех старших классов. На самом деле она значилась третьей в серии, с которой начался выпускной год. Следовательно, и здесь я оказалась отстающей, хотя надеялась, что защита Лиссы в реальном мире кое-чему меня научила.

Нашим инструктором был Стэн Альто, за спиной мы называли его просто Стэн, а в официальной обстановке страж Альто. Немного старше Дмитрия, но почти такой же высокий, он всегда выглядел жутко раздраженным. Сегодня это впечатление усилилось – когда он вошел в классную комнату и узрел меня. Распахнув глаза в притворном удивлении, он описал круг по комнате и остановился около моего стола.

– Что это? Никто не предупредил меня, что сегодня у нас приглашенный лектор. Роза Хэзевей. Какая честь! Как великодушно с твоей стороны выкроить в своем насыщенном расписании время и поделиться с нами своими знаниями.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки, но невероятным усилием воли сдержалась и не послала его к черту. Выражение моего лица, однако, сказала ему о многом, потому что его ухмылка стала еще шире. Он жестом дал мне понять, чтобы я встала.

– Ну, давай, давай! Не сиди на месте. Выходи вперед и помоги мне прочесть классу лекцию.

Я вжалась в кресло.

– Вы же на самом деле не имеете в виду...

Высокомерная усмешка исчезла.

– Я имею в виду в точности то, что сказал, Хэзевей. Встань перед классом.

В комнате воцарилась плотная тишина. Стэн был инструктором, которого все боялись, и большинство учеников из страха пока не решались рассмеяться при виде моего позора. Отказываясь сломаться, я решительно вышла вперед и повернулась лицом к классу. Вперила в учеников дерзкий взгляд и откинула назад волосы, заработав несколько сочувственных улыбок на лицах своих друзей. Потом я заметила, что моя аудитория больше, чем я ожидала. Несколько стражей – в том числе и Дмитрий – стояли в задней части комнаты. За пределами Академии стражи сосредоточиваются на защите «один на один». Здесь же им приходится защищать гораздо больше людей, да еще и обучать новичков. Поэтому никто из них не «пас» постоянно одного конкретного человека, они работали посменно, охраняя школу как целое и надзирая за уроками.

– Итак, Хэзевей, – жизнерадостно продолжал Стэн, расхаживая туда-сюда перед классом, – просвети нас насчет твоих приемов защиты.

– Моих... приемов?

– Конечно. Поскольку, надо полагать, у тебя был какой-то план, недоступный нашему пониманию, когда ты увозила из Академии несовершеннолетнюю моройскую принцессу, подвергая ее, таким образом, постоянной опасности со стороны стригов.

Еще одна лекция а-ля Кирова, с той лишь разницей, что сейчас свидетелей больше.

– Мы не сталкивались ни с одним стригоем, – заявила я.

– Очевидно. – Он усмехнулся. – Учитывая, что вы еще живы.

Мне хотелось закричать, что, может, я одолела бы любого стригоя, но после того избивания, которое имело место на прошлом уроке, я начала подозревать, что не пережила бы нападения даже Мейсона, не говоря уж о реальном стригое.

Не дождавшись ответа, Стэн снова принялся расхаживать перед классом.

– Так что ты делала? Как ты обеспечивала ее безопасность? Вы старались не выходить из дома по вечерам?

– Временами.

Это была правда – в особенности поначалу. Потом, когда прошли месяцы без каких бы то ни было нападений, мы немного расслабились.

– Временами, – повторил он писклявым голосом, отчего мой ответ прозвучал ужасно глупо. – Видимо, ты спала днем, а ночью караулила?

– Ну... нет.

– Нет? Но это же первое, что упоминается в главе об охране в одиночку. Ах, прошу прощения, ты не знаешь этого, потому что не была здесь.

Я проглотила ругательства.

– Я наблюдала за местностью всякий раз, когда мы выходили, – ответила я, чувствуя острое желание защититься.

– Правда? Ну, хоть что-то. Ты использовала «Метод наблюдения стражей» Карнеги или «Круговой обзор»?

Я не отвечала.

– Ну да. Полагаю, ты использовала метод Хэзевей «Оглядывайся по сторонам, когда вспомнишь об этом».

– Нет! – сердито воскликнула я. – Это неправда. Я охраняла ее. Она все еще жива, не так ли?

Он подошел и наклонился к моему лицу.

– Потому что тебе повезло.

– Стригои вовсе не прячутся там за каждым углом, – выпалила я. – Все не совсем так, как нас учили. Там безопаснее, чем вы пытались нам внушить.

– Безопаснее? Безопаснее? У нас война со стригоями! – взорвался он. Я чувствовала запах кофе в его дыхании, так он был близко. – Один из них мог запросто подойти прямо к тебе и перерезать твою хорошенькую шею прежде, чем ты хотя бы заметила его, – и даже не вспотел бы. Может, ты сильнее и быстрее мороя и человека. Но по сравнению со стригоем ты ничто, ничто! Они смертельно опасны и невероятно сильны. И тебе известно, что делает их такими сильными?

Нет, я не позволю этому болвану заставить меня расплакаться. Отвернувшись от него, я попыталась переключиться на что-нибудь другое. Мой взгляд остановился на Дмитриии и остальных стражах. Они с каменными лицами смотрели, как меня унижают.

– Моройская кровь, – прошептала я.

– Что? – спросил Стэн. – Не слышу.

Я резко повернулась к нему.

– Моройская кровь! Моройская кровь делает их сильнее.

Он кивнул с удовлетворенным видом и отступил на несколько шагов.

– Да. Именно она. Она делает их сильнее и толкает к новым убийствам. Они убивают и пьют кровь людей и вампиров, но больше всего жаждут моройской крови. Рыщут в поисках ее. Они перешли на сторону тьмы, чтобы получить бессмертие, и готовы на все, лишь бы сохранить его. Отчаянный стригой может напасть на мороя даже на людях. Группы стригоев совершают набеги на такие академии, как эта. Есть стригои, которые живут тысячи лет. Источником жизни для них являются целые поколения мороев. Их почти невозможно убить. Именно поэтому численность мороев сокращается. Они недостаточно сильны – даже при наличии стражей, –

чтобы защитить себя. Некоторые морои не видят смысла в сопротивлении и по собственному выбору становятся стригоями. И когда морои исчезнут...

– ...тогда исчезнут и дампир, – закончила я.

– Ну, похоже, кое-что ты все-таки знаешь. – Он слизнул с губ слюну. – Теперь предстоит выяснить, способна ли ты усвоить этот курс и получить право на практические испытания в следующем семестре.

Ох! Оставшуюся часть этого ужасного урока я провела – на своем месте, к счастью, – проигрывая в сознании его последние слова. Практические испытания выпускного года – лучшая часть обучения новичков. Половину семестра нет никаких занятий. Вместо этого каждого из нас прикрепят к ученику-морю, чтобы ходить за ним по пятам и охранять. Взрослые стражи будут следить за нами и проверять, инсценируя нападения и другие угрозы. То, как новичок выдержит практические испытания, имеет почти такой же вес, как все его остальные оценки, вместе взятые. Результат может также повлиять на то, к какому морю новичок будет приставлен по окончании школы.

А я? Существует лишь один морей, который мне нужен.

Два урока спустя я в конце концов заработала право на ланч. Когда я ковыляла через кампус в столовую, сбоку пристроился Дмитрий. Ничего особенно божественного я в нем не заметила – если не считать того, что он божественно хорошо выглядел.

– Полагаю, вы видели, что произошло в классе Стэна? – спросила я, не озабочиваясь формальностями.

– Да.

– Вам не кажется, что это было нечестно?

– В смысле, прав ли он? По-твоему, ты действительно подготовлена в достаточной степени, чтобы защищать Василису?

– Я сохранила ей жизнь, – потупив взор, промямлила я.

– Типа, как ты сражалась сегодня со своими одноклассниками?

Подлый вопрос. Я не отвечала, понимая, что это и не требуется. После урока Стэна у меня была еще одна тренировка; не сомневаюсь, Дмитрий видел, что я снова оказалась не на высоте.

– Если ты не можешь одолеть их...

– Да знаю я, знаю! – воскликнула я.

Он замедлил шаг, принаравливаясь ко мне.

– Ты сильная и быстрая по природе. Просто тебе нужно много тренироваться. Вы занимались каким-нибудь спортом, пока были в бегах?

– Конечно. Время от времени.

– Но ни в какую спортивную команду не входили?

– Слишком большая нагрузка. Если бы я хотела много практиковаться, то просто осталась бы здесь.

Он бросил на меня сердитый взгляд.

– Ты никогда не сможешь по-настоящему защищать принцессу, если не отточишь свои навыки. Всегда будешь терпеть неудачу.

– Я смогу защищать ее, – сердито бросила я.

– Ты ведь знаешь – нет никаких гарантий, что тебе поручат ее, даже если ты успешно пройдешь практические испытания и закончишь школу. – Негромкий голос Дмитрия звучал холодно. Да, в наставнике, которого ко мне приставили, не было и тени теплоты и сердечности. – Никто не хочет, чтобы ваша связь пропала впустую, – но никто не собирается приставлять к ней не отвечающего всем требованиям стража. Если хочешь быть с нею, придется зарабатывать такое право. У тебя есть занятия. У тебя есть я. Используй нас или нет, как пожелаешь.

Ты – идеальный выбор в качестве стража для Василисы после того, как вы обе закончите обучение, – если сумеешь доказать, что достойна этого. Надеюсь, так и будет.

– Лисса, называйте ее Лисса, – поправила его я.

Терпеть не могу ее полное имя, предпочитаю американизированное уменьшительное.

Он молча зашагал прочь, и внезапно вся задиристость из меня испарилась куда-то.

Как бы то ни было, я потратила на него большую часть своего свободного времени. Большинство учеников уже были в столовой, желая как можно дольше продлить время общения. Я и сама почти добралась туда, когда голос откуда-то около двери окликнул меня:

– Роза?

Глянув в направлении голоса, я заметила Виктора Дашкова. Он стоял, прислонившись к пальме рядом со зданием, на его добродушном лице играла улыбка. Два его стража стояли чуть поодаль, на почтительном расстоянии.

– Мистер Даш... простите, ваше высочество. Привет.

Хорошо, что я вовремя спохватилась, все эти моройские королевские титулы выскочили у меня из головы. Находясь среди людей, я их не употребляла. Морои избирают своих правителей среди членов двенадцати королевских фамилий. Самый старший в семье получает титул принца или принцессы. Лисса тоже принцесса, потому что осталась единственной представительницей своей семьи.

– Как прошел твой первый день? – спросил он.

– Он еще не закончился. – Надо было как-то поддержать разговор, и я спросила: – Вы здесь с визитом?

– Уеду сегодня, вот только повидаясь с Натальей. Услышав, что Василиса и ты вернулись, я просто зашел посмотреть на вас.

Я кивнула, понятия не имея, о чем еще говорить. Он был, скорее, друг Лиссы, не мой.

– Я хотел сказать тебе... – неуверенно продолжал он. – Я понимаю важность того, что ты сделала, но вряд ли то же можно сказать о директрисе Кировой. Все это время ты заботилась о безопасности Василисы. Это впечатляет.

– Ну, нельзя сказать, что я одолела стригоя или кого-то в этом роде.

– Но кое-кого ты одолела, правда?

– Конечно. Однажды Академия послала пси-ищеек.

– Поразительно.

– А-а, ерунда. Ускользнуть от них очень даже легко.

Он рассмеялся.

– Прежде я охотился с ними. Они достаточно сильны и умны, поэтому ускользнуть от них вовсе не так уж легко.

Это правда. Пси-ищейки – один из многих типов магических созданий, которые бродят по миру. Люди об их существовании даже не догадываются и не подозревают, что видели именно их. Эти ищейки бродят стаями и способны некоторым образом, мысленно, общаться между собой, что делает их особенно опасными, – к тому же они очень похожи на волков-мутантов.

– А еще с кем-нибудь ты сталкивалась?

– Всякая мелочь то тут, то там.

– Поразительно, – повторил он.

– Повезло, наверно. Оказывается, я не так уж сильна как страж.

Я говорила прямо как Стэн.

– Ты умная девочка. Ты нагонишь. И еще эта ваша связь.

Я отвернулась. Моя способность чувствовать Лиссу так долго была тайной, и теперь казалось неестественным, что другие знают о ней.

– История полна рассказов о стражах, которые могли чувствовать, когда их подопечным угрожала опасность, – продолжал Виктор. – Я сделал это своим хобби, как и некоторые другие древние методы. Я слышал, оттуда можно почерпнуть много ценного.

– Надо полагать.

«Ну и скучное хобби», – подумала я, представив себе, как он сидит в какой-то промозглой, затянутой паутиной библиотеке и изучает доисторические хроники.

Виктор наклонил голову с выражением любопытства на лице. У Кировой и остальных сделался такой же вид, когда стало известно о нашей связи, – точно мы какие-то лабораторные крысы.

– На что это похоже... если позволишь спросить?

– Ну... Не знаю. Просто я всегда ощущаю, что она чувствует. Как правило, только эмоции. Мы не можем обмениваться сообщениями или чем-то вроде этого.

Я не стала упоминать о том, что иногда проскальзываю в ее голову. Это даже мне было трудно понять.

– А в обратную сторону это не работает? Она не чувствует тебя?

Я покачала головой.

Его лицо сияло от изумления.

– Как это произошло?

– Не знаю. – Я по-прежнему смотрела в сторону. – Просто началось два года назад.

Он нахмурился.

– Примерно во время той аварии?

Мгновение поколебавшись, я кивнула. Меньше всего мне хотелось обсуждать ту аварию, уж будьте уверены. С меня хватало тяжелых воспоминаний Лиссы, чтобы примешивать к ним еще и свои. Искореженный металл. Ощущение жара, потом холода, потом снова жара. Лисса пронзительно кричит надо мной, кричит, чтобы я очнулась, кричит своим родителям и брату, чтобы они очнулись. Только я откликнулась на ее призыв. И врачи говорили, что это само по себе чудо. Говорили, что я не должна была уцелеть.

По-видимому почувствовав мой дискомфорт, Виктор оставил эту тему и вернулся к прежним восторгам.

– Мне все еще с трудом верится в это. Такого не происходило уже множество лет. Если бы это случалось чаще... только подумай, как оно могло бы повлиять на безопасность всех мороев. Если бы и другие могли так чувствовать. Нужно провести новые исследования и посмотреть, не удастся ли воспроизвести подобное качество в других.

– Да.

Я, конечно, очень хорошо относилась к Виктору, но меня все больше раздражало нетерпение. Наталья обожала поболтать, и теперь было ясно, от кого она унаследовала это качество. Ланч неумолимо заканчивался, и, хотя после него занятия новичков и мороев проходили совместно, у нас с Лиссой останется мало времени на разговоры.

– Возможно, мы могли бы...

Он раскашлялся, его скрутил ужасный приступ, от которого все тело сотрясало. Это заболевание, синдром Сандовского, сжирало легкие, и тело умирало. Я заметила выражение тревоги на лицах стражей, и один из них подошел к нам.

– Ваше высочество, – подчеркнуто вежливо сказал он, – вам нужно зайти внутрь. Здесь слишком холодно.

Виктор кивнул.

– Да, да. И конечно, Роза хочет есть. – Он перевел взгляд на меня. – Спасибо, что поговорила со мной. Не могу выразить, как много это значит для меня – что Василиса жива и здорова... и что ты помогла ей в этом. Я обещал ее отцу приглядывать за ней, если с ним что-нибудь случится, и чувствовал себя так, будто не сдержал обещания, когда вы скрылись.

Мне стало нехорошо, когда я представила себе, как он терзался чувством вины и беспокойства. До этого момента я вообще не задумывалась, какие чувства наше бегство могло вызвать в других людях. Мы попрощались, и я в конце концов вошла внутрь. И тут же ощутила тревогу Лиссы. Не обращая внимания на боль в ногах, я заторопилась в столовую.

И почти налетела на Лиссу.

А вот она меня не заметила, как и те, кто стоял рядом с ней: Аарон и эта его маленькая «куколка». Я остановилась, прислушалась и уловила окончание их разговора. Девушка наклонилась к Лиссе, выглядевшей ужасно ошеломленной.

– Для меня это выглядит, словно с дешевой распродажи. Я полагала, бесценная Драгомир должна иметь высокие стандарты.

Фамилию «Драгомир» она произнесла с непередаваемым презрением.

Я схватила «куколку» за плечо и оттолкнула ее. Она оказалась такой легкой, что пролетела три фута и едва не упала.

– У нее очень высокие стандарты, – сказала я, – а иначе ты с ней не разговаривала бы.

Четыре

Слава богу, на этот раз мы были избавлены от внимания всех обедающих, но несколько проходивших мимо людей остановились, разглядывая нас.

– Что, черт побери, ты себе позволяешь? – воскликнула «куколка», гневно сверкая глазами.

С такого близкого расстояния я смогла лучше разглядеть ее. Она имела то же худощавое телосложение, что и большинство мороев, но была необычно низкоросла, благодаря чему и выглядела моложе. На ней красовалось вычурное фиолетовое платье, на фоне которого мой секонд-хенд выглядел бледной тенью, – однако при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это дешевка.

Я скрестила на груди руки.

– Заблудилась, малышка? Начальная школа в западном кампусе.

На ее щеках расцвели розовые пятна.

– Не смей больше прикасаться ко мне. Только тронь, и я тебя с грязью смешаю.

О господи, скажите, какое открытие! У меня на языке вертелась тысяча язвительных замечаний, и если я удержалась от них, то лишь потому, что Лисса энергично затрясла головой. Вместо этого я, так сказать, прибегла к грубой силе.

– А если ты посмеешь снова тянуть на кого-нибудь из нас, я разорву тебя пополам. Не веришь, спроси Донну Джерроу, что я сделала с ее рукой в девятом классе. Ты, наверно, была еще в пеленках, когда это произошло.

Инцидент с Донной относился к числу моментов, вспоминать которые всегда доставляет мне удовольствие. Вообще-то у меня и в мыслях не было ломать ей что-нибудь, когда я отталкивала ее к дереву. Тем не менее этот инцидент создал мне репутацию опасной особы – а самоуверенной меня и раньше считали. История приобрела легендарный оттенок, и мне нравится представлять, что ее до сих пор рассказывают по вечерам у костра. Судя по выражению лица «куколки», так оно и было.

Подошел один из патрульных, с подозрением взирая на нашу маленькую компанию. «Куколка» отступила, потянув Аарона за руку.

– Пошли.

– Эй, Аарон! – бодро окликнула я его, вспомнив, что он, как-никак, тоже здесь. – Рада была повидаться с тобой.

Он быстро кивнул мне и натянуто улыбнулся. Девушка потащила его прочь. Все тот же старина Аарон! Может, он симпатичный, но уж никак не агрессивный.

– С тобой все в порядке? – спросила я Лиссу. Она кивнула. – Имеешь хоть какое-то представление, кто эта девушка, которой я только что угрожала?

– Ни малейшего.

Я повела ее в сторону раздаточной, но она покачала головой.

– Пойдем поищем «кормильцев».

Странное чувство пронзило меня. Я так привыкла быть единственным источником крови для нее, что мысль о возвращении к нормальной моройской практике казалась противоестественной и даже почему-то беспокоила меня. А между тем – с чего бы? Ежедневное «кормление» – часть моройской жизни, то, чего я не могла предложить ей, пока мы жили самостоятельно. Это была неловкая для нас обеих ситуация, в дни «кормления» я чувствовала слабость, а она испытывала то же самое между ними. Мне следовало бы радоваться, что она возвращается к нормальному образу жизни.

Я заставила себя улыбнуться.

– Конечно.

Мы пошли в комнату для «кормления», смежную с кафетерием. Она была разделена на небольшие кабинки с целью обеспечения относительного уединения. На входе нас приветствовала темноволосая моройская женщина. Глядя вниз, на свой пюпитр, она принялась листать страницы. Найдя то, что требовалось, она сделала какие-то пометки и жестом пригласила Лиссу следовать за собой. На меня она бросила недоумевающий взгляд, но вслух ничего не сказала.

Она подвела нас к одной из кабинок, где, листая журнал, сидела полная женщина средних лет. При виде нас она улыбнулась. Глаза у нее были слегка остекленевшие, с мечтательным выражением – как у большинства «кормильцев». Скорее всего, она уже приблизилась к своей квоте на сегодняшний день – судя по тому, под каким кайфом была.

Ее улыбка стала шире, когда она узнала Лиссу.

– Рада вашему возвращению, принцесса.

Встретившая нас моройская дама ушла, а Лисса села в кресло рядом с женщиной. Я почувствовала в Лиссе ощущение дискомфорта, но немного не такое, как у меня. Для нее в этом тоже было нечто странное – в последний раз она «кормилась» так давно. У «кормилицы», однако, такого оправдания не было. Выражение страстного желания скользнуло по ее лицу – как у наркомана перед получением очередной дозы.

На меня нахлынуло отвращение. Въевшийся инстинкт, который вырабатывался годами. «Кормилицы» – люди, по доброй воле соглашающиеся быть постоянным источником крови, люди с обочины человеческого общества, отказавшиеся от обычной человеческой жизни ради служения тайному миру мороев. О них хорошо заботились, обеспечивая все удобства, в которых они нуждались. Однако, по сути, они были наркоманами, пристрастившимися к моройской слюне и кайфу, который давал каждый новый укус. Морои – и стражи – презирали эту зависимость, хотя без «кормильцев» не выжили бы, точнее, им пришлось бы брать жертву грубой силой.

Женщина склонила набок голову, открывая Лиссе доступ к своей шее. Ежедневные укусы в течение многих лет оставили на ее коже следы в виде шрамов. Я «кормила» Лиссу гораздо реже, потому и шея моя оставалась чиста; метки от ее укусов были заметны день-два, не больше.

Наклонившись, Лисса вонзила клыки в мягкую плоть «кормилицы». Та закрыла глаза, издавая негромкие звуки удовольствия. Я сглотнула, глядя, как Лисса пьет. Никакой крови я не видела, но легко могла вообразить ее. В груди нарастала волна эмоций: страстное желание и зависть. Я уставилась в пол и мысленно выбрала себя.

«Что с тобой? С какой стати ты скучаешь по этому? Ты делала это всего раз в день и то не всегда. У тебя просто не могло возникнуть привыкания. И слава богу!»

И все же я никуда не могла деться от воспоминаний о блаженстве и кайфе, дарованном укусом вампира.

Лисса закончила, мы вернулись в столовую и подошли к раздаточной. У нас осталось всего пятнадцать минут, поэтому я начала торопливо накладывать в тарелку картофель фри и что-то, смутно напоминающее кусочки курицы. Лисса взяла лишь йогурт. Морои нуждаются в еде, как вампиры и люди, но на деле после «кормления» аппетит у них неважный.

– Ну и как проходят уроки? – спросила я.

Она пожала плечами. Сейчас ее лицо светилось красками и жизнью.

– Хорошо. Все разглядывают. Все. Многие спрашивают, где мы были. Перешептываются.

– У меня то же самое, – сказала я. Служительница отметила нас, и мы пошли к столам.

Я искоса взглянула на Лиссу. – Это досаждал тебе?

– Нет... Все хорошо.

Эмоции, ощущаемые мной через нашу связь, противоречили сказанному. Зная, что я воспринимаю их, она постаралась сменить тему разговора, протянув мне свое расписание уроков. Я просмотрела его.

1-й урок: Русский 2.

2-й урок: Американская колониальная литература.

3-й урок: Основы контроля над стихиями.

4-й урок: Древняя поэзия.

Ланч

5-й урок: Поведение и физиология животных.

6-й урок: Высшая математика.

7-й урок: Моройская культура 4.

8-й урок: Славянское искусство.

– Занудство, – сказала я. – Будь ты математической тупицей вроде меня, у нас было бы одинаковое расписание во второй половине дня. Почему у тебя «основы контроля над стихиями»? Это же для второкурсников.

Она подняла на меня взгляд.

– Потому что старшие занимаются каждый по своей специализации.

После этого воцарилось молчание. Все морои владеют элементарной магией. Это одна из особенностей, отличающих живых вампиров от стригоев – мертвых вампиров. Владение магией у мороев – дар. Это часть их души и связи с миром.

Когда-то давно они использовали магию открыто, предотвращая стихийные бедствия и помогая в производстве еды и воды. Теперь в этом необходимости не было, но магия по-прежнему оставалась в их крови. Она жгла их, подталкивая к тому, чтобы тянуться к земле и овладевать своей силой. Академии вроде нашей существовали для того, чтобы помочь мороям контролировать магические способности и развивать их. Ученики также должны были изучать правила применения магии, существовавшие на протяжении столетий.

Все морои имели небольшие способности в каждой стихии. Достигнув примерно нашего возраста, они специализировались в одной из них, где добивались особых успехов: земля, вода, огонь или воздух. Не иметь специализации – все равно что не достигнуть половой зрелости.

И Лисса... Ну, Лисса пока не имела специализации.

– Этот курс по-прежнему преподает госпожа Кармак? Что она говорит?

– Она говорит, что волноваться не о чем. Она думает, со временем все придет.

– Ты... Ты рассказывала ей о...

Лисса покачала головой.

– Нет. Конечно нет.

Мы оставили эту тему, она относилась к тем, о которых мы много думали, но редко говорили. Наш разговор происходил по дороге к столу. Пока мы шли, нас провожали откровенно любопытствующие взгляды.

– Лисса! – послышался чей-то голос.

Оглянувшись, мы увидели махающую рукой Наталью. Мы с Лиссой обменялись взглядами. Наталья была кузиной Лиссы в том смысле, в каком Виктор приходился ей дядей, но мы никогда много с ней не общались.

Лисса пожала плечами и двинулась в ее направлении.

– Почему бы и нет?

Я неохотно пошла следом. Наталья – девушка приятная, но в то же время одна из самых нудных, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться. Большинству особ королевской крови в Академии доставляло удовольствие ощущать себя знаменитостью, однако Наталья

никогда не принадлежала к этой когорте. Наивная простушка, она нисколько не интересовалась политикой Академии и не отличалась умом, чтобы как-то влиять на нее.

Друзья Натальи таращились на нас с любопытством, но молча – в отличие от нее. Она обняла нас. Как и у Лиссы, глаза у нее имели желтовато-зеленый оттенок нефрита, но волосы были угольно-черные, как у Виктора до болезни, от которой он полностью поседел.

– Вы вернулись! Я знала, знала, что так и будет! Все говорили, что вы сбежали навсегда, но я никогда не верила в это. Почему вы ушли? По этому поводу ходило столько слухов! – Наталья продолжала тарыхтеть, а мы с Лиссой обменялись взглядами. – Камилла говорила, будто одна из вас забеременела и сбежала, чтобы сделать аборт, но я была уверена, что это неправда. Еще кто-то говорил, будто вы отправились к маме Розы, но мне показалось, что госпожа Кирова и папочка не были бы так расстроены, если бы вы там обнаружили. Знаешь, мы ведь могли бы жить с тобой в одной комнате! Я разговаривала с...

Она продолжала болтать так возбужденно, что ее клыки стали легко заметны. Я вежливо улыбалась, позволив отбиваться Лиссе, пока Наталья не задала рискованный вопрос:

– А как ты решала проблему крови, Лисса?

Все вопросительно смотрели на нас. Лисса замерла, но тут уж я вмешалась в разговор. Удивительно, с какой легкостью ложь срывалась с моих губ.

– О, проще простого. На свете множество людей, готовых охотно ее отдать.

– Правда? – спросил кто-то из друзей Натальи, широко распахнув глаза.

– Ага. Их можно найти, к примеру, на любой вечеринке. Они просто рвутся балдеть от чего угодно, а сами даже не помнят потом, что с ними произошло, потому что и без того хороши, – заявила я максимально уверенно, не вдаваясь в детали: слава богу, большинство из моих слушателей ничего в таких вещах не понимали. – Как я уже сказала, проще простого. Может, даже проще, чем с нашими «кормильцами».

Наталья поверила моему объяснению и тут же переключилась на другую тему. Лисса бросила на меня благодарный взгляд. Снова перестав прислушиваться к разговору, я вглядывалась в хорошо знакомые лица, пытаясь вычислить, кто с кем живет и кому в школе сейчас принадлежит власть. Мейсон, сидящий с компанией новичков, поймал мой взгляд, и я улыбнулась. Рядом с ним, смеясь над чем-то, расположилась группа королевских мороев. Аарон со своей блондиночкой сидели тут же.

– Эй, Наталья! – прервала я ее на полуслове, чего она, по-моему, даже не заметила. – Кто такая новая подружка Аарона?

– Что? А-а. Мия Ринальди, – ответила она и добавила, заметив мой непонимающий взгляд: – Не помнишь ее?

– А что, должна помнить? Она была здесь, когда мы сбежали?

– Она всегда была здесь. Она лишь на год младше нас.

Я бросила вопросительный взгляд на Лиссу, но та лишь плечами пожала.

– С чего она так на нас окрысилась? – спросила я. – Мы с ней даже незнакомы.

– Не знаю, – ответила Наталья. – Может, она ревнует из-за Аарона. Когда вы пропали, ее никто и не замечал, но она очень быстро стала популярной. Она не королевской крови, но как только начала встречаться с Аароном...

– О'кей, спасибо, – оборвала ее я. – Это на самом деле не...

Тут мимо нашего стола прошел Джесси Зеклос, приковав к себе мой взгляд. Ах, Джесси! Я и забыла о нем. Мне нравилось флиртовать с Мейсоном и прочими новичками, однако Джесси относился совсем к иной категории. С другими парнями флиртуешь просто ради флирта, а вот флиртуя с Джесси, надеешься, что дело дойдет до раздевания. Он был королевский морой и очень, очень сексапильный парень. Ему следовало бы носить на груди знак: «Осторожно, огнеопасно!» Поймав мой взгляд, он улыбнулся.

– Роза, рад твоему возвращению. По-прежнему разбиваешь сердца?

– Вызываешься добровольцем?

Его улыбка стала шире.

– Давай встретимся как-нибудь и узнаешь. Если тебя выпустят из заточения.

Он пошел дальше, а я восхищенно провожала его взглядом. Наталья и ее друзья благоговейно уставились на меня. Может, я и не бог в том смысле, как Дмитрий, но для этой компании мы с Лиссой были богами – или, по крайней мере, бывшими богами, – хотя и другой природы.

– Вот это да! – воскликнула какая-то девушка, имени которой я не помнила. – Это же Джесси.

– Ага, – ответила я. – Определенно он.

– Хотела бы я выглядеть как ты, – добавила она со вздохом.

Все взоры были прикованы ко мне. Фактически я наполовину морой, но выгляжу как человек. Я настолько не отличалась от людей, что, пока мы были в бегах, вообще не думала о своем внешнем виде. Здесь, среди худощавых моройских девушек с их еле заметной грудью, некоторые черты моей внешности – большая грудь, ярко выраженные бедра – заметно выделялись. Я знала, что привлекательна, но для моройских парней мое тело не просто привлекательно: оно сексуально в самом непристойном смысле этого слова. Завоевать расположение девушки-дампира – этого жаждали все моройские парни.

Ирония состоит в том, что дампирь пользуются здесь огромным успехом, в то время как в человеческом мире гораздо более популярны моройские девушки, сильно смахивающие на худощавые сверхмодные модели. Большинству человеческих женщин в жизни не достигнуть такой «идеальной» худобы, равно как и моройским женщинам никогда не выглядеть как я. Все желают того, что им недоступно.

На наших общих занятиях второй половины дня мы с Лиссой сидели рядом, но разговаривали немного. Как она и сказала, нас повсюду преследовали взгляды, однако вскоре выяснилось, что чем больше я разговариваю с людьми, тем дружелюбнее они настраиваются. Медленно, но неуклонно они вспоминали, кто мы такие, и новизна – хотя и не интрига – нашего безумного трюка постепенно выцветала.

Хотя, может, правильнее сказать – они вспоминали, кто я такая, поскольку только я и разговаривала. Лисса смотрела прямо перед собой, слушала мои разговоры, но не вникала в них и не принимала участия. Я чувствовала, как она излучает печаль и беспокойство.

– Все хорошо, – сказала я ей, когда уроки наконец закончились. Мы стояли неподалеку от школы, и я прекрасно понимала, что тем самым уже нарушаю условия нашего соглашения с Кировой. – Мы не останемся здесь. Я найду способ выбраться отсюда.

– Думаешь, нам действительно удастся проделать это во второй раз? – спросила Лисса.

– Абсолютно уверена.

Как хорошо, что она не могла воспринимать мои чувства! Сбежать в первый раз – ой как сложно; сделать то же самое снова будет невероятно трудно. Впрочем, я и вправду верила, что найду способ.

– Ты ведь сможешь что-нибудь придумать, правда? – Она улыбнулась, больше себе, чем мне, как будто подумала о чем-то забавном. – Конечно сможешь. Просто... ну... – Она вздохнула. – Я все думаю: а нужно ли нам вообще бежать? Может... Может, лучше остаться.

Я удивленно уставилась на нее.

– Что?

Не слишком красноречивое высказывание, но ничего лучше мне в голову не пришло. Такого я от нее никак не ожидала.

– Я наблюдала за тобой, Роза. Наблюдала, как ты во время уроков разговаривала с другими новичками о тренировках. Ты соскучилась по всему этому.

– Оно того не стоит, – возразила я. – Нет, если... Нет, если ты...

Я не смогла закончить, но она была права. Я скучала по другим новичкам. Даже по некоторым мороям. Но мало того, весь день во мне нарастало ощущение ущербности, связанное с тем, как сильно я отстала.

– Так будет лучше, – продолжала она. – Я не заметила... не почувствовала ни слезки, ни наблюдений за нами.

На это я не ответила ничего. До того как мы сбежали, она все время ощущала, будто кто-то следит за ней, преследует. Никаких реальных доказательств не имелось, но мне доводилось слышать, как одна из наших учительниц постоянно заводила разговор о чем-то подобном. Госпожа Карп, хорошенькая моройская женщина, с темно-рыжими волосами и высокими скулами. В те времена я была убеждена, что она просто ненормальная.

– Вы никогда не знаете, кто именно наблюдает, – говорила она, энергично расхаживая по классной комнате, после того как задергивала все шторы. – Или кто преследует вас. Лучше находиться в безопасном месте. Лучше всегда находиться в безопасном месте.

Мы тогда пересмеивались между собой – как ученики всегда ведут себя по отношению к эксцентричным учителям или тем, кем овладевает паранойя. Мысль о том, что Лисса ведет себя как она, беспокоила меня.

– Что с тобой? – спросила Лисса, заметив, что я углубилась в свои мысли.

– А? Ничего. Просто задумалась. – Я вздохнула, пытаясь найти точку равновесия между собственным желанием и тем, что лучше для нее. – Лисс, думаю, мы можем остаться... но есть несколько условий.

Она рассмеялась.

– Ультиматум Розы?

– Я серьезно. – Как трудно выразить свои мысли словами! – Я хочу, чтобы ты держалась подальше от всех этих королевских особ. Не таких, как Наталья... То есть таких, конечно... но не таких. Ты понимаешь? От других. От сильных игроков. Камилла. Карли. Эта компания.

Его веселость сменилась изумлением.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Тем более они никогда тебе не нравились.

– Зато тебе нравились.

– Нет. На самом деле нет. Мне нравилось то, что они могут предложить. Всякие там вечеринки и прочее в том же духе.

– И ты теперь можешь обходиться без этого? – скептически спросила она.

– Конечно. Мы же обходились без этого в Портленде.

– Да, но там все было иначе. – Ее взгляд заскользил по сторонам, ни на чем конкретно не останавливаясь. – Здесь... Здесь я должна принимать во всем этом участие. Не могу уклоняться.

– Черта с два! Наталья же вот держится в стороне.

– Наталье не предстоит унаследовать семейный титул, – возразила она. – А я уже получила его. Я должна быть в гуще событий, должна налаживать связи. Андрей...

– Лисс... – простонала я. – Ты не Андрей.

Просто не верилось, что она все еще ставит себя наравне с братом.

– Он всегда был вовлечен во все эти дела.

– Ну да, но теперь он мертв! – взорвалась я.

Ее лицо окаменело.

– Знаешь, иногда ты бываешь не очень тактична.

– Я не для того рядом с тобой, чтобы быть тактичной. Хочешь тактичности? Пожалуйста! Здесь найдется не меньше дюжины баранов, которые перегрызут друг другу горло ради того, чтобы быть на дружеской ноге с принцессой Драгомир. Я рядом с тобой, чтобы говорить правду, и в данном случае она такова: Андрей мертв. Теперь ты наследница, и от этого никуда

не деться. И сейчас это означает, что надо держаться в стороне от других королевских особ. Нужно просто залечь на дно. Ни во что не ввязываться. Только впутайся снова во все это, Лисс, и ты доведешь себя до...

– Безумия? – закончила за меня она.

Теперь я отвела взгляд.

– Я не хотела...

– Все нормально, – сказала она спустя некоторое время, вздохнула и дотронулась до моей руки. – Прекрасно. Мы остаемся и будем держаться в стороне от всего этого. «Не будем ни во что ввязываться», как ты хочешь. И станем общаться с Натальей.

Если быть совсем честной, ничего подобного я не хотела. Я хотела ходить на королевские вечеринки и безудержные пьяные празднества – как прежде. Мы годами ни во что не вмешивались, пока не погибли родители и брат Лиссы. Ее семейный титул должен был унаследовать Андрей, и он соответственно вел себя. Красивый и общительный, он мог очаровать любого и был лидером всех королевских группировок и клубов, какие только существовали в кампусе. После его смерти Лисс почувствовала, что ее семейный долг – занять его место.

Пришлось и мне позволить втянуть себя в этот мир. Для меня это оказалось нетрудно, поскольку по-настоящему я не имела отношения к политике, – просто симпатичная девушка-дампир, от которой никто не ждет неприятностей и всяких безумных выходок. Я стала чем-то новеньким, им нравилось, чтобы я была рядом просто ради забавы.

Лисса же столкнулась с абсолютно другими проблемами. Драгомиры являлись одной из двенадцати правящих семей. Она занимала в морейском сообществе очень влиятельное положение, и остальные особы королевских кровей всячески стремились завязать с ней добрые отношения. Ложные друзья сплетничали о ней и настраивали против других, стараясь втянуть в свой круг. Эти королевские особы могут одновременно и льстить, и плести закулисные интриги – и среди них такие типы встречаются на каждом шагу. С точки зрения дампиров и всех прочих, они абсолютно непредсказуемы.

Подобная беспощадная обстановка в конце концов повредила Лиссе. У нее открытая, добрая натура, которая так привлекает меня, и я просто трепетала от ненависти, наблюдая, как ее расстраивают и втягивают в королевские игры. Со времени аварии она стала гораздо более уязвима, и никакие вечеринки в мире не стоили того, чтобы видеть ее страдания.

– Ну ладно, – сказала я наконец. – Посмотрим, как все пойдет. Если что-нибудь сложится не так – хоть что-нибудь, – мы сбежим. Без возражений.

Она кивнула.

– Роза?

Мы обе вскинули взгляд на возвышающуюся над нами фигуру Дмитрия. Я от всей души надеялась, что он не слышал моих последних слов.

– Ты опаздываешь на тренировку, – ровным тоном продолжал он и, повернувшись к Лиссе, вежливо поклонился ей. – Принцесса.

Пока мы с ним уходили, я беспокоилась о Лиссе и все время задавалась вопросом, правильно ли – остаться здесь. Ничего тревожащего через нашу связь до меня не доходило, но эмоционально она была возбуждена. Смятение, ностальгия, страх, предвкушение – все это мощной волной нахлынуло на меня.

Я почувствовала притяжение еще до того, как все произошло, – в точности как тогда, в самолете. Ее эмоции, становясь все сильнее, буквально засасывали меня в ее голову, и я не могла противиться. Миг – и я видела и чувствовала все то, что и она.

Она медленно обходила здание столовой, направляясь к маленькой русской традиционной церкви, которая удовлетворяла практически все религиозные нужды школы. Лисса всегда регулярно посещала службу. Но не я. Мы с Богом заключили постоянно действующее согла-

шение: я верю в Него – едва-едва – до тех пор, пока Он позволяет мне отсыпаться по воскресеньям.

Но когда она вошла внутрь, я почувствовала, что она там не ради молитвы. У нее имелась другая, неизвестная мне цель. Оглянувшись по сторонам, она убедилась, что внутри нет ни священника, ни верующих. Церковь была пуста.

Проскользнув в дверь в задней части церкви, она начала подниматься по узкой скрипучей лестнице на чердак. Там было темно и пыльно. Свет проникал внутрь лишь сквозь большое окно с цветными стеклами, и слабый отсвет начинающегося восхода рассыпался по полу крошечными разноцветными драгоценными камнями.

До нынешнего момента я понятия не имела, что комната постоянно служила Лиссе убежищем. Однако сейчас почувствовала это, почувствовала ее воспоминания, как она раньше убегала сюда, чтобы побыть в одиночестве и подумать. Как только она оказалась в знакомой обстановке, ее тревога начала убывать. Она забралась на сиденье у окна, прислонившись головой к его боку, и замерла, очарованная тишиной и светом.

В отличие от стригоев, морои в состоянии выносить солнечный свет, но в определенных пределах. Сидя там, она могла вообразить, будто купается в солнечном свете, поскольку стекло защищало ее, дробя и ослабляя лучи.

«Дыши, просто дыши, – говорила она себе. – Все будет хорошо. Роза позаботится обо всем».

Она так страстно верила в это, что расслабилась еще больше.

Потом из темноты прозвучал негромкий голос:

– Вся Академия в твоём распоряжении, кроме этого сиденья у окна.

Она подскочила с бешено колотящимся сердцем. Ее тревога передалась и мне, пульс участился.

– Кто здесь?

Спустя мгновение из-за груды ящиков поднялась какая-то фигура, шагнула вперед, и в бледном свете материализовались знакомые черты. Спутанные черные волосы. Бледно-голубые глаза. Вечная сардоническая усмешка.

Кристиан Озера.

– Не волнуйся, – сказал он. – Я не кусаюсь. Ну, по крайней мере, в том смысле, который тебя пугает.

Он рассмеялся собственной шутке. Лисса, однако, не нашла ее забавной. Она начисто забыла о Кристиане. Так же как и я.

Что бы ни происходило в нашем мире, некоторые основополагающие истины касательно вампиров никогда не меняются. Морои живые; стригои не-мертвые; морои смертны; стригои бессмертны. Морои появляются на свет путем рождения; стригои создаются.

И существует два способа создать стригоя. Один-единственный укус стригоя – и человек, дампир или вампир насильственно превращается в стригоя. Морои, искушаемые обещанием бессмертия, могут сознательно решить стать стригоями, если во время «кормления» убьют человека. Такое деяние считается безнравственным, извращенным – самым тяжким из всех грехов, противоречащим и моральным устоям мороев, и самой природе. Морои, вставшие на этот темный путь, теряют свою связь со стихийной магией и другими энергетическими началами мира. Вот почему они больше не могут выходить на солнце.

Именно так и случилось с родителями Кристиана. Они стригои.

Пять

Или, точнее, они были стригоями. Подразделение стражей загнало и убило их. Если слухи соответствуют действительности, Кристиан, тогда еще совсем дитя, стал свидетелем этого. И хотя сам он не был стригоем, некоторые считают, что он недалеко ушел, учитывая его манеру одеваться в черное и держаться особняком.

Стригой он или нет, я не доверяла ему. Он псих, ничтожество, и я безмолвно закричала Лиссе, чтобы она убиралась оттуда, пусть от моего крика и не было никакого толку. Проклятая односторонняя связь!

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Любуюсь видами, конечно. Накрытое брезентом кресло очень уютно. Сверх того, тут имеется старый ящик с рукописями благословенного и безумного святого Владимира. И не стоит забывать о том прекрасном, хотя и безногом столе в углу.

– Одним словом, всякая ерунда.

Лисса закатила глаза и направилась к двери, но он преградил ей дорогу.

– Ну а как насчет тебя? – насмешливо спросил он. – Зачем ты здесь? Что, не предвидится никаких вечеринок и нет никого под рукой, чью жизнь можно было бы разрушить?

Прежний задор отчасти вернулся к Лиссе.

– Класс! Хочешь вывести меня из себя, чтобы доказать, какой ты крутой? Какая-то девица, которой я даже не знаю, наорала на меня сегодня, а теперь я должна иметь дело с тобой? Какую цену нужно заплатить, чтобы человека оставили в покое?

– А-а, вот почему ты здесь. Чтобы пожалеть себя.

– Это не шутка. Я серьезно.

Я почувствовала, что Лисса начинает сердиться, причем гораздо сильнее, чем прежде расстраивалась.

Он прислонился к наклонной стене.

– И я. Мне тоже нравится жалеть себя. На какую тему ты хотела бы похандрить сначала? Как у тебя уйдет целый день на то, чтобы снова стать популярной и любимой? Как придется ждать две недели, прежде чем от «Холлистера» доставят новые наряды? Если раскошелишься на быструю доставку, это, может, так надолго и не затянется.

– Оставь меня в покое! – сердито сказала она и на этот раз оттолкнула его в сторону.

– Постой, – сказал он, когда она протянула руку к двери. Сарказм исчез из его голоса. – На что... ммм... На что это было похоже?

– Ты о чем? – взорвалась она.

– Быть не здесь. Не в Академии.

Она заколебалась на мгновение, сбита с толку тем, что выглядело как попытка искренне поговорить.

– Это было замечательно. Никто не знал, кто я такая. Просто еще одно лицо. Не морой. Не королевская особа. Никто. – Она посмотрела в пол. – Все здесь воображают, будто знают, какая я.

– Да, от прошлого так легко не отделаешься, – с горечью сказал он.

Внезапно до Лиссы – и до меня, соответственно, – дошло, как трудно это может быть для Кристиана. Люди по большей части обращались с ним так, словно он вообще не существует. Словно он призрак. Не разговаривали с ним или о нем. Просто не замечали его. Позорное клеймо преступления родителей отбрасывало тень на всю семью Озера.

Тем не менее прежде ему удавалось вывести ее из себя, и теперь она не была склонна сочувствовать ему.

– Постой... теперь ты жалеешь себя?

Он рассмеялся, почти одобрительно.

– Вот уже год, как я предаюсь этому здесь.

– Извини, – фыркнула Лисса. – Я приходила сюда еще до того, как сбежала. У меня больше прав.

– Какие права могут быть у сквоттеров?³ Кроме того, я должен постоянно держаться как можно ближе к церкви, чтобы люди знали, что я не стал стригоем... пока.

И снова в его тоне прозвучала горечь.

– Раньше я всегда видела тебя на службе. Это единственная причина, почему ты ходишь в церковь?

Стригои не могут ступать на освященную землю. Еще одно следствие их тяжкого греха.

– Конечно, – ответил он. – А зачем еще туда ходить? Ради души, что ли?

– Не важно. – Лисса явно придерживалась другого мнения, но не хотела спорить. – Тогда я уйду и оставлю тебя в покое.

– Постой, – снова сказал он, казалось, ему не хочется, чтобы она уходила. – Давай заключим сделку. Можешь тоже приходить сюда, если расскажешь мне одну вещь.

– Что еще?

Она оглянулась на него через плечо.

Он наклонился вперед.

– Среди всех этих разговоров, которые я слышал о тебе сегодня, – и, поверь, я слышал немало, даже если никто ничего непосредственно мне не рассказывал, – одна тема совсем не возникала. Они разбирали все остальное: почему ты ушла, что там делала, почему вернулась, история со специализацией, что Роза сказала Мие, ля-ля-ля. И при этом никто, ни один, ни разу не поставил под сомнение идиотский рассказ Розы о людях из низших слоев общества, которые якобы давали тебе свою кровь.

Она отвернулась, и я почувствовала, как щеки у нее вспыхнули.

– Тут нет ничего идиотского.

Он негромко рассмеялся.

– Я жил среди людей. Моя тетя и я держались особняком после того, как родители... умерли. Найти кровь совсем нелегко. – Она ничего не ответила, и он снова засмеялся. – Это Роза? Она «кормила» тебя.

Возродившийся страх пронзил и ее, и меня. Никто в школе не мог знать об этом. Кирова и присутствовавшие при нашем с ней разговоре стражи знали, но они, конечно, держат язык за зубами.

– Ну, если это не дружба, тогда уж и не знаю, какое слово употребить.

– Не рассказывай никому! – выпалила она.

Для нас это было совершенно необходимо. Как я уже говорила, у «кормильцев» развивается эффект привыкания к укусам вампиров. Мы принимали это как часть жизни, но все равно смотрели на них сверху вниз. Для любого другого – в особенности дампира – давать свою кровь морю считалось... ну, почти непристойным. Фактически это рассматривалось как сексуальное извращение, почти порнография – если дампир во время секса позволял морю пить свою кровь.

У нас с Лиссой, конечно, не было секса, но мы обе очень хорошо понимали, что будут думать все остальные, узнав, что я «кормила» ее.

– Не рассказывай никому, – повторила Лисса.

Он сунул руки в карманы куртки и уселся на один из ящиков.

– Кто я такой, чтобы рассказывать? Слушай, иди, сядь снова на сиденье у окна. Можешь приходить сюда, когда пожелаешь. Если, конечно, не боишься меня.

³ Сквоттеры – городские бедняки, самовольно вселяющиеся в заброшенные городские трущобы.

Она заколебалась, вглядываясь в его лицо. Он выглядел мрачным и угрюмым, губы искривлены в усмешке типа «вот я какой, непокорный»; но слишком опасным он не выглядел. Не выглядел стригоем. Она с настороженным видом вернулась на сиденье, неосознанно потирая от холода руки. Кристиан заметил это, и спустя мгновение воздух в комнате заметно потеплел. Лисса встретила с ним взглядом и улыбнулась, удивляясь тому, что никогда раньше не обращала внимания, какие у него льдисто-голубые глаза.

– Твоя специализация – огонь?

Он кивнул и поставил ровно сломанное кресло.

– Теперь у нас роскошное убежище.

Внезапно сцена перед моим внутренним взором померкла.

– Роза? Роза?

Мигая, я сфокусировала взгляд на лице Дмитрия. Он был совсем рядом, обхватил меня за плечи. Мы не шли, мы стояли посреди двора, окруженного зданиями старших классов.

– С тобой все в порядке?

– Я... Да. Я была... Я была с Лиссой. – Я приложила руку ко лбу, никогда у меня не было такого долгого и ясного опыта переживания этого ощущения. – Я была в ее голове.

– В ее... голове?

– Да. Это часть связи.

Как? Почему? Я и сама до конца не понимала этого.

– С ней все хорошо?

– Да, она...

Я заколебалась. Действительно ли с ней все хорошо? Кристиан Озера только что пригласил ее посидеть с ним. Ничего хорошего. Мы же собирались «ни во что не ввязываться», и потом, он, так или иначе, имеет отношение к темной стороне. Однако чувства, проникающие в меня через нашу связь, больше не несли в себе ни страха, ни огорчения. Она была почти довольна, только все еще немного нервничала.

– Ей не угрожает опасность, – закончила я, надеясь, что так оно и есть.

– Можешь идти дальше?

Несгибаемый воин-стойк внезапно исчез – сейчас он выглядел обеспокоенным. Искренне обеспокоенным. Когда я поняла это, взглянув ему в глаза, внутри все затрепетало – ужасная глупость, конечно, для которой не было никаких оснований, кроме того, что этот человек слишком уж хорош собой. В конце концов, если верить Мейсону, он – необщительный бог, перед которым поставлена задача всячески терзать меня.

– Да. Со мной все хорошо.

Я пошла в раздевалку гимнастического зала и переделалась в тренировочный костюм, который кто-то в конце концов удосужился дать мне, после того как я целый день тренировалась в джинсах и футболке. Продолжающееся общение Лиссы с Кристианом беспокоило меня, но я отложила эти мысли на потом, чувствуя, как ноют мышцы, явно не жаждущие никакой новой нагрузки. Ну, я и сказала Дмитрию, что, может, на сегодня хватит? Он засмеялся, и, черт побери, никаких сомнений – смеялся он надо мной.

– Что тут такого забавного?

Его улыбка погасла.

– Ну, это прозвучало так серьезно.

– Еще бы! Я и говорю серьезно. Послушайте, я не спала двое суток. Почему нужно начинать прямо сейчас? Я хочу в постель. Хотя бы на часок.

Скрестив руки на груди, он разглядывал меня. Прежняя обеспокоенность исчезла. Сейчас его волновало только дело. Долой всякие нежности.

– Как ты чувствуешь себя? После предыдущей тренировки?

– Все тело болит.

- А завтра утром ты будешь чувствовать себя еще хуже.
- Ну и что?
- А то, что лучше начать сейчас, пока тебе... не так уж плохо.
- Где тут логика, интересно? – взвилась я.

Однако спорить перестала. Он повел меня в зал и показал грузы, которые я должна поднимать, после чего развалился в углу с растрепанной книжкой в руках.

Когда я закончила, он подошел ко мне и показал несколько упражнений на растягивание, долженствующих охладить разгоряченное тело.

– Как получилось, что вы стали стражем Лиссы? – спросила я. – Несколько лет назад вас здесь не было. Вы учились в этой школе?

Он немного задержался с ответом, как будто не хотел говорить о себе.

- Нет. Я посещал ту, что в Сибири.
- Ничего себе! Говорят, это единственное место хуже Монтаны.

Проблеск чего-то – может, улыбки? – мелькнул в его глазах, но он не поддержал шутки.

– Закончив школу, я был стражем лорда Зеклоса. Недавно его убили. – Улыбка Дмитрия увяла, лицо приобрело мрачное выражение. – Меня прислали сюда, потому что в здешнем кампусе не хватает стражей. Когда принцесса нашлась, меня назначили к ней, поскольку я имею опыт.

Меня заинтересовало кое-что в его словах. Какой-то стригой убил парня, к которому он был приставлен стражем.

- Этот лорд погиб, находясь под вашей охраной?
- Нет. Он был со своим вторым стражем. Я тогда отсутствовал.

Он замолчал, углубившись в свои мысли. Морои многого ожидают от нас, но не осознают, что стражи – более или менее – всего лишь люди. Ну, стражи получают плату и имеют отпуска, как на любой другой работе. Некоторые истовые стражи, вроде моей мамы, отказываются от отпусков, поклявшись никогда не покидать своих мороев. Глядя на Дмитрия сейчас, я испытала чувство, что он, наверно, один из таких. Если он находился где-то в другом месте на законных основаниях, то с какой стати осуждать себя за случившееся с тем парнем? Тем не менее он, похоже, воспринимал печальное событие именно так. Впрочем, я тоже осуждала бы себя, случись что-нибудь с Лиссой.

Внезапно у меня возникло желание малость развеселить его.

– Вы участвовали в составлении плана нашего возвращения? Потому что это было здорово проделано. Грубая сила и все такое.

Он дугой выгнул бровь. Круто. Я всегда хотела освоить это искусство.

- Хочешь сделать мне комплимент?
- Ну, это было чертовски лучше, чем предыдущая попытка.
- Предыдущая?
- Да. В Чикаго. С целой стаей пси-гончих.
- Мы впервые нашли вас в Портленде.

Я села, скрестив ноги.

– Ну... Не думаю, что пси-гончие мне причудились. И кто мог послать их? Они слушаются только мороев. Может быть, никто не рассказывал вам об этом.

– Может быть, – согласился он, но по его лицу было видно, он не верит в это.

После я вернулась в спальный корпус новичков. Ученики-морои жили на другой стороне двора, ближе к столовой. Кто где живет, в большой степени объяснялось тем, как удобнее. Мы, новички, обитали рядом с гимнастическим залом и тренировочными площадками. Но жили отдельно от мороев еще и потому, что у нас разный образ жизни. В их спальнях почти нет окон, только совсем крошечные, тонированные, пропускающие тусклый свет. И у них есть

специальное помещение, где всегда под рукой «кормилыцы». Спальни новичков, естественно, построены таким образом, что в них проникает гораздо больше солнечного света.

У меня была отдельная комната, потому что новичков очень мало, тем более девушек. Комната, которую мне отвели, маленькая, чистая, с двуспальной кроватью и письменным столом с компьютером. Мои немногочисленные принадлежности, доставленные из Портленда, лежали в коробках по всей комнате. Я порылась в них и достала футболку, в которой обычно спала. Нашла пару фотографий: одну я сделала, когда мы с Лиссой ходили на футбольный матч в Портленде; другую – когда я проводила каникулы с ее семьей, за год до аварии.

Я поставила их на письменный стол и загрузила компьютер. Кто-то из отдела технической поддержки любезно оставил мне листок с инструкциями для возобновления моего e-mail и ввода пароля. Я обрадовалась, что никому не пришлось в голову, что таким образом я могу связываться с Лиссой. Я слишком устала и не хотела писать ей сейчас, и уже намеревалась выключить компьютер, когда заметила сообщение. От Джанин Хэзевей. Оно оказалось коротким:

«Рада, что ты вернулась. Ты поступила непростительно».

– Я тоже люблю тебя, мамочка, – пробормотала я и выключила компьютер.

Улегшись в постель, я отключилась, еще не успев коснуться подушки, и, в точности как предсказывал Дмитрий, почувствовала себя в десять раз хуже, когда проснулась на следующее утро. Лежа в постели, я снова задумалась над преимуществами побега. Потом вспомнила, как меня вчера отколошматили на тренировке, и решила: единственный способ избежать того же самого снова – вытерпеть то, что мне предстояло сегодня утром.

Все тело болело, и мне пришлось гораздо хуже, но я поупражнялась с Дмитрием до начала уроков, потом выдержала все тренировки на уроках – и уцелела, даже не потеряла сознание.

За ланчем я поскорее оттащила Лиссу от стола Натальи и прочла ей лекцию в духе Кировой по поводу Кристиана – в особенности отругала за то, что ему стало известно, как мы устраивались с «кормлением». Если это выйдет наружу, то в глазах общества нам конец, а я вовсе не была уверена, что он никому не расскажет.

Лиссу, однако, беспокоило совсем другое.

– Ты опять была в моей голове? – воскликнула она. – И как долго?

– Я же не нарочно, – возразила я. – Это случается само собой. И не в том суть. Как долго ты потом разговаривала с ним?

– Не очень долго. Это было... забавно.

– Ну, такого больше не должно происходить. Если станет известно, что ты с ним общаешься, все начнут насмехаться над тобой. – Я подозрительно вглядывалась в ее лицо. – Ты, случайно, не запала на него?

Она фыркнула.

– Нет. Конечно нет.

– Хорошо. Потому что если тебе нужен парень, уведи снова Аарона.

Он скучный, да, прямо как Наталья, но безопасный. Почему все безвредные люди такие зануды? Может, это входит в понятие безопасности.

Она засмеялась.

– Мия выцарапает мне глаза.

– Мы с ней справимся. Кроме того, он заслуживает девушки, которая одевается не в «Гэп кидс»⁴.

– Роза, перестань говорить гадости.

– А что я такого сказала?

– Она всего на год младше нас, – сказала Лисса. – Просто не верится, что ты думаешь, будто из-за меня у нас могут быть неприятности.

⁴ «Гэп кидс» – сеть магазинов, продающих детскую одежду.

Мы пошли в класс. Я улыбнулась, искоса глядя на нее.

– Что, Аарон уже недостаточно хорош?

Она улыбнулась в ответ, избегая моего взгляда.

– Почему? Достаточно.

– Видишь? Он-то тебе и нужен.

– Вовсе нет. Меня вполне устраивает, что мы с ним друзья.

– Друзья, которым все равно с кем дружить.

Она закатила глаза.

– Ладно. – Я перестала ее дразнить. – Пусть Аарон остается в детском саду. Важно, чтобы ты держалась подальше от Кристиана. Он опасен.

– Ты слишком остро реагируешь. Он не собирается стать стригоем.

– Он – дурное влияние.

Она засмеялась.

– Думаешь, мне угрожает стать стригоем?

Не дожидаясь ответа, она ринулась вперед и открыла дверь в классную комнату. Я слегка задержалась, проигрывая в уме ее слова, потом двинулась следом. И тут мне представился случай увидеть королевскую власть в действии, если можно так выразиться. Несколько парней – и хихикающих девиц, которые сами не принимали участия в развлечении, лишь поглядывали со стороны, – издевались над долговязым мороем. Я мало о нем знала – только то, что он беден и, уж конечно, не королевского рода. Двое из его мучителей, владеющие магией воздуха, сдували бумажки с его стола и заставляли их летать по комнате, а парень пытался поймать их.

Инстинкт подталкивал меня вмешаться, может, стукнуть одного из этих специалистов по воздуху. Но нельзя же затевать драку с каждым, кто раздражает, и, уж конечно, с целой кучей королевских особ – в особенности сейчас, когда Лиссе не следует привлекать к себе их внимание. Поэтому я просто бросила на них полный презрения взгляд и зашагала к своей парте. И тут кто-то схватил меня за руку. Джесси.

По счастью, он, похоже, не участвовал в издевательствах.

– Эй, руками не трогать!

Он одарил меня улыбкой, но руку не отпустил.

– Роза, расскажи Полю о том случае, когда ты затеяла сражение на уроке госпожи Карп. Я игриво улыбнулась ему.

– Я много раз затевала сражения на ее уроках.

– Ну, то, с раком-отшельником и песчанкой.

Я рассмеялась, припоминая.

– А-а, да. Правда, по-моему, это был хомяк. Я просто кинула его в банку с крабом, и они оба так возбудились от близости ко мне, что набросились друг на друга.

Сидящий рядом Поль засмеялся. Я совсем не знала этого парня, наверно, его перевели сюда, пока нас не было, и он ничего не слышал об этой истории.

– И кто победил?

Я вопросительно посмотрела на Джесси.

– Не помню. А ты?

– Тоже. Помню лишь, что Карп жутко разволновалась. – Он повернулся к Полю. – Жаль, что ты не видел нашей чокнутой учительницы, которую приходилось тут терпеть. Она была убеждена, что ее преследуют, и все время раздражалась по этому поводу бессмысленными речами. Совсем спятила. Бродила по кампусу, когда все спали.

Я натянуто улыбнулась – как если бы мне тоже все это представлялось забавным. На самом деле я снова задумалась о госпоже Карп – удивительное дело, второй раз за два дня. Джесси прав – она действительно часто бродила по кампусу. От этого просто бросало в дрожь. Я как-то наткнулась на нее – совершенно неожиданно.

Я тогда выбиралась из окна своей спальни, чтобы кое с кем встретиться. Это происходило уже после отбоя, когда нам полагалось быть в своих комнатах и крепко спать. Я частенько удирала подобным образом и здорово преуспела в этом.

Однако тогда я упала. Комната находилась на втором этаже, и я разжала руки, когда оставалось пролететь еще примерно половину пути. Земля стремительно надвигалась на меня, и я пыталась ухватиться за стену, чтобы замедлить падение. Грубый камень обдирает кожу, но в тот момент я этого не чувствовала. Рухнула лицом вниз на заросшую травой землю с такой силой, что на мгновение вышибло дух.

– Ты в плохой форме, Розмари. Твои инструкторы были бы разочарованы.

Ухитрившись взглянуть сквозь спутанные волосы, я увидела госпожу Карп. Она смотрела на меня сверху вниз, с выражением изумления на лице. Все тело у меня ныло от боли.

Стараясь не обращать на нее внимания, я встала. Одно дело – находиться на уроке Психованной Карп в окружении остальных учеников, и совсем другое – стоять во дворе один на один с ней. Глаза у нее всегда так неестественно, безумно сверкали, что у меня мурашки бежали по коже.

Существовала также высокая степень вероятности, что она потащит меня в офис Кировой разбираться. Вместо этого она просто улыбнулась и потянулась к моим рукам. Я вздрогнула, но не сопротивлялась. Она зацокала, увидев царапины. Сжав чуть посильнее мои руки, она слегка нахмурилась. Я ощутила покалывание на коже, сопровождающееся чем-то вроде приятного для уха жужжания, и... все мои царапины закрылись. Возникло, но очень быстро прошло головокружение. Меня бросило в жар. Кровь исчезла, как и боль в теле.

Потрясенно открыв рот, я отдернула руки. Мне не раз приходилось видеть моройскую магию в действии, но такого... Нет, никогда.

– Что... Что вы сделали?

Она снова улыбнулась мне этой своей загадочной улыбкой.

– Возвращайся к себе, Роза. Здесь, снаружи, происходят скверные вещи. Никогда не знаешь, кто преследует тебя.

Я по-прежнему таращилась на свои руки.

– Но...

Я подняла на нее взгляд и только тут заметила шрамы у нее на лбу, по обеим сторонам. Как будто процарапанные ногтями. Она подмигнула мне.

– Я не донесу на тебя, если ты никому не расскажешь обо мне...

Я резко вернулась в настоящее, встревоженная воспоминаниями о той странной ночи. Оказывается, Джесси говорил мне о вечеринке.

– Сорвись с поводка сегодня вечером. Около восьми тридцати мы встречаемся на том месте в лесу. Марк раздобыл «травку».

Я с тоской вздохнула; неплохо бы развеяться, а заодно избавиться от гнетущего чувства, возникшего при воспоминании о госпоже Карп.

– Ничего не получится. Я буду со своим русским тюремщиком.

Джесси отпустил мою руку и с разочарованным видом провел по своим бронзовым волосам. Да. Не иметь возможности встретиться с ним – чертовски досадно. Как-то надо будет все устроить.

– Может, тебя когда-нибудь все же отпустят за примерное поведение? – пошутил он.

Я одарила его чарующей – как хотелось надеяться – улыбкой и уселась на свое место.

– Конечно, – бросила я через плечо. – Если когда-нибудь стану хорошей девочкой.

Шесть

Встреча Лиссы с Кристианом беспокоила меня, но она же подала мне на следующий день идею.

– Привет, Кирова... простите, госпожа Кирова.

Я стояла в дверном проеме ее офиса, не потрудившись записаться на прием. Она подняла взгляд от каких-то бумаг, с явным раздражением при виде меня.

– Да, мисс Хэзевей?

– Означает ли мой домашний арест, что я не могу посещать церковь?

– Прошу прощения?

– Вы сказали, что если я не в классе и не на тренировке, то должна сидеть в своей комнате. А как насчет церкви по воскресеньям? По-моему, это несправедливо – не позволять мне удовлетворять свои религиозные... ммм... нужды.

Или лишать меня еще одной возможности увидеться с Лиссой, не важно, в какой скучной обстановке и как ненадолго.

Она кончиком пальца сдвинула очки на переносицу.

– Вот не знала, что у вас есть религиозные нужды.

– Пока мы отсутствовали, я обрела Иисуса.

– Разве ваша мать не атеистка? – скептически спросила она.

– А отец, скорее всего, мусульманин. Но у меня своя дорога. Вы не должны мешать мне следовать ею.

Она издала что-то вроде сухого смешка.

– Нет, мисс Хэзевей. Не должна. Прекрасно. Можете посещать воскресную службу.

Эфемерная победа, конечно, поскольку в церкви, где я оказалась спустя несколько дней, царила такая же тоска, как и раньше. Хорошо хоть, удалось сесть рядом с Лиссой, что создало ощущение, будто я все-таки чего-то добилась. В основном я просто изучала людей. Посещение церкви для учеников необязательно, но при таком обилии восточноевропейских семей многие ученики – правоверные христиане, либо потому, что искренне верили, либо подчинялись воле родителей.

Кристиан сидел через проход от нас, делая вид, будто он такой благочестивый, как говорил. И хотя я сильно недолюбливала его, такая притворная вера заставила меня улыбнуться. Дмитрий сидел сзади, его лицо утопало в тени, как и я, он не причащался. Казалось, он глубоко ушел в свои мысли, даже невольно возникал вопрос: а слышит ли он вообще службу? Лично я то включалась, то отключалась.

– Следовать путем Господа – дело нелегкое, – говорил священник. – Даже у святого Владимира, покровителя школы, бывали трудные времена. Он был так исполнен духа, что люди со всех сторон стекались к нему, желая послушать его или хотя бы побыть рядом. Согласно древним источникам, он мог даже исцелять больных. И все же, несмотря на все дарования, многие не уважали его, насмехались над ним, заявляли, будто он заблуждается и идет неверным путем.

Последнее в мягкой форме намекало на то, что его считали безумным. Это знали все. Он был одним из морейских святых, поэтому священник обожал говорить о нем. Я уже много раз слышала все это раньше. Просто замечательно. Похоже, меня ожидает бесконечная череда воскресений, когда придется снова и снова выслушивать одну и ту же историю.

– ...и то же самое относится к «поцелованной тьмой» Анне.

Я вскинула голову, понятия не имея, о чем говорит священник, поскольку какое-то время не слушала его. Однако эти слова врезались в память. «Поцелованная тьмой». Я уже давно не слышала их и тем не менее хорошо запомнила. Я подождала, надеясь на продолжение,

однако священник перешел к следующей части службы. Проповедь закончилась. По окончании службы, когда Лисса собралась уходить, я кивнула ей.

– Подожди меня. Я скоро.

Я протолкалась сквозь толпу к священнику, которого обступили несколько человек, и терпеливо ждала, пока он закончит с ними разговор. Наталья тоже была здесь, спрашивала его, какую работу могут выполнять добровольцы. Тьфу! Получив ответ, она ушла, приветливо кивнув мне по дороге.

Увидев меня, священник вскинул бровь.

– Приветствую, Роза. Рад снова видеть тебя.

– Да... Я тоже. Я слышала, вы рассказывали об Анне. О том, что она была «поцелована тьмой». Что это означает?

Он нахмурился.

– Точно не знаю. Она жила очень, очень давно. Так часто делается – людям присваивают что-то вроде прозвища, отражающего некоторые их черты. Может, слова свидетельствуют о ее силе.

Я изо всех сил попыталась скрыть разочарование.

– А-а... И кто она была?

Он нахмурился еще сильнее, но уже с оттенком неодобрения.

– Я множество раз говорил об этом.

– Ах, ну, я, наверно, прослушала.

– Подожди минутку.

Он отвернулся, и даже спина его выражала неодобрение. Потом он исчез за дверью рядом с алтарем, той самой, через которую Лисса проникла на чердак.

Я подумала: «Может, сбежать? Нет. Вдруг Бог накажет меня?»

Меньше чем через минуту священник вернулся с книгой и протянул ее мне. «Моройские святые».

– Почитай о ней здесь. При следующей встрече хотелось бы послушать, что ты усвоила.

Я с хмурым видом направилась к выходу. Замечательно. Теперь еще священник будет давать мне домашние задания. Сразу за дверью Лисса разговаривала с Аароном. Она улыбалась и, судя по ее чувствам, испытывала радость, хотя и не влюбленность.

– Шутишь! – воскликнула она.

– Нет.

Она повернулась ко мне.

– Роза, ты в жизни этому не поверишь. Помнишь Эбби Бадику? И Ксандера? Их страж хочет уйти со службы и жениться на другом страже. Женщине, конечно.

Теперь это стало самой захватывающей новостью. Скандал, скандал.

– Серьезно? Они, типа, сбегут вместе?

Она кивнула.

– Они купили дом. Планируют работать с людьми, надо полагать.

Я взглянула на Аарона, который внезапно оробел передо мной.

– И как Эбби и Ксандер к этому относятся?

– Нормально. Растеряны. Считают, что это глупо. – Потом до него внезапно дошло, с кем он говорит. – Ох, я не хотел...

– Оставь. – Я натянуто улыбнулась. – Это действительно глупо.

Ничего себе! Я была потрясена. Мятежная часть мой души с восторгом воспринимала любой рассказ о людях, которые «борются с системой». Вот только в этом случае они боролись с моей системой, той, верить в которую меня учили всю жизнь.

Между дампирями и мороями заключено странное соглашение. Дампиры первоначально появлялись на свет от браков мороев и людей. К несчастью, дампиря не могут рожать детей,

вступая в связь друг с другом – или с людьми. Вот такой генетический фокус. С мулами, я слышала, дело обстоит точно так же, хотя меня не слишком радует подобное сравнение. Вот дампир и морои могут иметь детей, и, благодаря еще одному генетическому фокусу, их дети становятся образцовыми дампирами, имея половину вампирских, половину человеческих генов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.